ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

№4 (20)

2022

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№4 (20)

Москва, 2022

УДК 81’23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619–0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 4 (20). – Электрон, текстовые дан. (3,3 MB). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области психолингвистики и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области психолингвистики и психологии, преподавателей, аспирантов и студентов.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).

Архив номеров доступен http://www. psycholinguistic.ru

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
http://www.psycholinguistic.ru

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

© Агентство социально-гуманитарных технологий, 2022
© Авторы, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)
Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)
Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)
Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)
Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)
Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в

области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук Хэйлунцзянского университета Китая, ведущий научный сотрудник центра исследования русской лингвистики, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Мыскин С.В., Кудрявцев В.Т. Обобщенный алгоритм когнитивно-смыслового преобразования профессиональных педагогических текстов 10

Степанов В.Н. Лотман и семиосфера публичной коммуникации сквозь призму когнитивистики..... 32

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Комалова Л.Р. В поисках связи между индивидуально-личностными характеристиками реципиента и оценкой им голосовых и речевых параметров говорящих, ассоциируемых с образом агрессора..... 60

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ

Новикова П.Л. Отражение особенностей субъективного переживания социальной ситуации развития в речи младших школьников..... 90

Ян Д.Д. Политический миф в контексте блогосферы..... 108

ОБ АВТОРАХ..... 121

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 122

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Myskin S.V., Kudryavtsev V.T. Generalized algorithm of cognitive-semantic transformation of professional pedagogical texts…… 10

Stepanov V.N. Lotman and the semiosphere of public communication through the prism of cognitive studies…… 32

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Komalova L.R. Searching for correlation between recipients' personal features and how recipients evaluate voice and speech features of other people associated with the image of aggressor…… 60

THE WORKS OF YONGS RESEARCHES

Novikova P.L. Reflection of subjective experience of the social situation of development in the speech of younger students…… 90

Ian D.D. Political myth in the context of blogosphere…… 108

ABOUT AUTHORS…… 121

INFORMATION FOR AUTHORS…… 122

УДК 004.81; 159.9.072; 81'33

С.В. Мыскин
Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@mgpu.ru

В.Т. Кудрявцев
Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
vtkud@mail.ru

ОБОБЩЕННЫЙ АЛГОРИТМ КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты научно-исследовательской работы по разработке интеллектуальных способов смыслового преобразования профессиональных текстов [9]. Основная цель работы – разработка обобщенного алгоритма смыслового преобразования педагогических текстов для выявления их инновационного потенциала. Алгоритм разработан по аналогии с мозговыми процессами, задействованными при получении, обработке, хранении и интеграции информации. Также в основу алгоритма заложены схемы функционирования семантических записей процессов производства и восприятия речевых сообщений. Алгоритм представлен в виде графических схем и их описаний. Выделены и описаны признаки инновационности педагогического текста.

Ключевые слова: когнитивно-смысловой алгоритм, педагогический текст, семантическая запись, информационная технология, смысловое восприятие, инновация

S. Myskin
V. Kudryavtsev

GENERALIZED ALGORITHM OF COGNITIVE-SEMANTIC TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL PEDAGOGICAL TEXTS

Annotation. The article presents the results of research work on the development of intellectual methods of semantic transformation of professional texts [9]. The main purpose of

the work is to develop a generalized algorithm for semantic transformation of pedagogical texts to identify their innovative potential. The algorithm is developed by analogy with the brain processes involved in obtaining, processing, storing and integrating information. The algorithm is also based on the schemes of functioning of semantic records of the processes of production and perception of speech messages. The algorithm is presented in the form of graphical diagrams and their descriptions. The signs of innovativeness of the pedagogical text are highlighted and described.

Keywords: cognitive-semantic algorithm, pedagogical text, semantic recording, information technology, semantic perception, innovation

> Плох тот герменевтик, который воображает, что он может или должен был бы сохранить за собой последнее слово.
>
> *Ханс-Георг Гадамер*

Введение

Все большее внимание исследователей привлекает изучение когнитивных и психолингвистических проблем устной и письменной профессиональной речи. Во многом этому способствует развитие информационных и цифровых технологий, посредством которых стало возможно моделирование процессов мозга человека, обеспечивающих функционирование речи в условиях совместной деятельности. Причем сами информационные и цифровые технологии создаются по аналогии с когнитивными и психолингвистическими процессами человека: интеллект – искусственный интеллект, восприятие – распознавание образов, память – базы данных и пр. Попытка воссоздать аналог психического образа машинными и знаковыми средствами давно привлекает кибернетиков, программистов, информатиков. В своих подходах разработчики, в основном, опираются на знаковые системы, функционально направленные на хранение и передачу информации. Ими разрабатываются различные алгоритмы для анализа и систематизации этой информации. Полученные

алгоритмы используются для объяснения закономерностей и явлений (в нашем случае психологических). Основной задачей данных алгоритмов выступает поиск и анализ шаблонов. Можно утверждать, что генеральное направление подобных исследований заключается в поиске общего, стандартного, шаблонного, стереотипного, рефлекторного с целью создания адекватного предложения, продукта и пр. На сегодняшний момент уже существует представительный арсенал подобных информационных и цифровых технологий, успешно применяемых в банковском деле, страховании, электронной коммерции, телекоммуникации, маркетинге и пр. [11].

Вместе с тем, малоизученной остается проблема разработки информационных технологий, направленных на поиск уникального, *развивающего,* перспективного. Выявление такого потенциала информации, который станет основой развития отрасли, научного направления, области знаний. Конечно же, подобные технологии существуют, например, блокчейн. На его основе создаются эквиваленты валют для проведения расчетов – биткоин, лайткоин и т.п. Но прикладной потенциал этой технологии на сегодняшний момент ограничен. Она активно применяется в финансовой сфере, логистике, информационной безопасности. Для других же сфер человеческой жизнедеятельности (например, гуманитарной, социальной) блокчейн пока не нашел применения. При этом существует явная потребность в подобных технологиях при анализе научной, профессиональной саккумулированной информации. Основным направлением исследований, в этом случае, становится вычленение их массивов данных уникального, смыслового, индивидуального, обладающего инновационным потенциалом.

Наиболее подходящей для реализации данного замысла выступает педагогическая сфера, в целом, педагогические тексты, в частности [6].

Основным средством профессиональной деятельности педагога является его речь, посредством речи учитель развивает личность учеников, формирует их уникальность, сознание. Можно предположить, что контекст профессиональной речи педагогов содержит такие потенции, которые стимулируют процессы развития. Кроме того, педагогический текст как ключевое методическое и научное звено образования содержит богатейший инновационный потенциал, применимый для развития системы образования как социального института, создания современных дидактик, разработки эффективных педагогических технологий и много другого. Также педагогический текст объемлет когнитивные, психологические, социокультурные составляющие знания о человеке как профессиональном работнике.

Обобщая, можно допустить, что педагогические тексты представляют собой квинтэссенцию инновационных знаний, обеспечивающих развитие, уникальность, индивидуальность человека. Именно это допущение лежит в основе выбора профессиональных текстов педагогов для разработки алгоритма выявления инновационного потенциала. В связи с этим, разработка обобщенного алгоритма когнитивно-смыслового преобразования профессиональных текстов педагогов представляется актуальной задачей когнитологии и психолингвистики, а также целью нашего исследования.

Методология исследования

Исследовательский прием, выбранный нами для достижения поставленной цели, основан на комплексном сочетании различных подходов: качественного, количественного, феноменологического,

сущностного. Результат исследования будет заключаться в обобщении итогов реализации обозначенных подходов [7].

Логический подход предполагает использование методологии деятельностного подхода. С этой позиции педагогический текст целесообразно рассматривать как речевое воздействие, как результат действия, обладающего большими объяснительными возможностями, нежели предметы [1]. В рамках *качественного подхода* предполагается использовать экспертный анализ, в ходе которого будет сформирован тезаурус научных терминов. *Количественный подход* реализуется посредством статистических инструментов. Предполагается осуществить частотный анализ выделенных экспертами терминов с целью расчета индексов инновационности педагогических текстов. *Феноменологический подход* будет осуществлен посредством ознакомительного чтения исследователями педагогических текстов для определения их инновационного потенциала. В рамках *сущностного подхода* будет производиться идентификация педагогических текстов как инновационных «на основе презумпции связи отдельных научных терминов и, что чрезвычайно важно, терминологических словосочетаний с проблематикой инновационной педагогики» [5]. Отнесение к терминам не только отдельных слов, но и словосочетаний, обусловлено следующим методологическим положением. Слова в речевой цепи моделируют образы сознания говорящего, существующих в виде психических репрезентаций. Но в сознании моделируются образы и других предметов, находящихся в категориальном окружении обозначаемого. В связи с этим возникает необходимость контекстуального уточнения образа, обозначаемого словом. Данное положение позволяет сформулировать гипотетический тезис исследования: инновационность, новизна, уникальность вербальных

смыслов определяется не сколько отдельными словами, а, по большей мере, словосочетаниями.

Задача выявления инновационного потенциала педагогического текста предполагает нежесткое управление процесса поиска характеристик его инновационности при помощи *обобщенного алгоритма.* Понятие такого алгоритма в педагогической психологии и способы его применения в практике развивающего проблемного обучения были предложены еще в первой половине 1970-х гг. Т.В. Кудрявцевым, его сотрудниками и последователями – И.И. Ракитиным, В.В. Евдокимовым и др.) [3].

Обобщенные алгоритмы в проблемном обучении – это не алгоритмы в строгом смысле слова, т.е. не своды операций, прямо и безошибочно приводящих к требуемому результату. Им свойственна известная «размытость», неполнота. Как показало исследование И.И. Ракитина [8], учащимся необходимо давать некоторые ориентиры, чтобы направить их мысль в нужное русле. Но эти ориентиры не должны быть конкретными - в противном случае задача утеряет свою проблемность. Надо расставить ориентиры в виде обобщенных проблемных вопросов, связанных с существенными моментами изучаемого материала. Тогда каждое конкретное действие учащийся будет строить сам, но общее направление его поиска будет не жестко задано ориентирами. По мере овладения учащимися методом решения проблемных задач определенного типа объем материала «между» ориентирами нужно увеличивать, и, в конце концов, ориентиры могут быть сняты совсем.

Инновационный педагогический текст – это не просто сообщение о «творческих достижениях» автора. Он предполагает проблематизацию мысли читателя с точки зрения инновационной авторской идеи, вовлечение читательской мысли в процесс творчества, в котором читателю предстоит разделить с автором его позицию, точнее, «примерить» ее на

себя, необязательно приняв целиком и полностью. По М.М. Бахтину [2], читатель-соавтор писательского текста и соучастник произведения. Так и в экспериментальных, *инновационных* конструкторах, созданных в лаборатории Т.В. Кудрявцева, конструктивную идею, исподволь заданную разработчиками в материале, учащимся старших классов и ПТУ, предстояло осмыслить как обобщенный алгоритм собственной деятельности.

На наш взгляд, подобный подход к развитию конструирования можно использовать и при реконструкции текстов для выявления их инновационного потенциала. Обобщенный алгоритм и там, и там – форма, в которую облечен инновационный авторский замысел. Овладеть обобщенным алгоритмом конструирования или реконструкции (его создаем мы, разработчики) и значит – воссоздать этот авторский замысел.

При разработке обобщенного алгоритма целесообразно использовать основные положения нейропсихологии, вскрывающие механизмы мозговой организации высших психических функций. Ключевым для нашего исследования является работа ассоциативных центров коры головного мозга [10]. Основная функция ассоциативных центров заключается в интеграции сигналов, поступающих по различным сенсорным каналам. Ассоциативные центры выполняют важнейшую роль для мыслительных процессов, смыслового восприятия речи, составления комплексных программ поведения. Также в основе алгоритма заложены положения о семантической записи теории «Смысл-Текст» А.К. Жолковского и И.А. Мельчука [4]. Семантическая запись дополняет общую психолингвистическую схему процессов порождения и восприятия речи.

Процедура исследования педагогических текстов

На подготовительном этапе разработки обобщенного алгоритма когнитивно-смыслового преобразования педагогических текстов в показатели развития перспективных направлений инновационной педагогики был сформирован массив текстовых данных. Для составления массива текстовых данных в ходе экспертного анализа были отобраны научные публикации педагогической направленности, авторами которых выступили работники образовательных и научных организаций. В итоге, в массив текстовых данных вошли 28 научных статей, отнесенных к категории инновационных, и находящихся в открытом доступе в сети Интернет. Все научные статьи были распределены на три блока:

Блок 1. Научные статьи, опубликованные в независимом научном журнале, в названии которых употребляется термин «инновация».

Блок 2. Научные статьи, опубликованные в независимом научном журнале, в названии которых не употребляется термин «инновация», но включены в рубрику «Инновационные педагогические технологии».

Блок 3. Научные статьи, опубликованные работниками педагогического вуза.

Последовательность выявления признаков инновационности при анализе текстовых данных включала три этапа:

1 этап. Определение количества терминов статьи, которые соответствуют семантико-тематическому эталону (Табл. 1). Данному этапу соответствует Признак 1: **отнесенность статьи к области научно-педагогической деятельности.** Признак указывает на характер статьи, в которой обсуждается метатеоретическая активность, т.е. в данном научном труде не строятся какие-либо новые теории или концепции, а проводится

критический анализ уже известных. Коэффициент инновационности по данному признаку низкий.

2 этап. Выявление связи между терминами статьи с высокими частотными рангами, соответствующие семантико-тематическому эталону (Табл. 1). Данному этапу соответствует Признак 2: **однофакторность или многофакторность обсуждения (описания) исследуемой проблемы.** Признак указывает на наличие/отсутствие возможных межфакторных связей. Коэффициент инновационности по данному признаку средний.

Таблица 1

Пример определения коэффициентов инновационности по признакам 1 и 2

Совпадение с семантико-тематическим эталоном				
Семантико-тематический эталон	**Ключевые слова и термины статьи 1**	**Частотность**	**Коэффициент**	
			Q1	**Q2**
Автор			0	0
Активизация деятельности	Активизация	1	0,1	0,2
Активная жизненная позиция			0	0
Активность	Активность	10	1	2
Активные методы			0	0
Актуализация				
Актуальность				
Алгоритм				
…				
Итого				

3 этап. Выявление совпадений сочетаний терминов статьи, соответствующих семантико-тематическому эталону, с

психосемантическими категориями (См. Табл. 2). Данному этапу соответствует Признак 3: **степень проблематизации содержательно-категориальных связей между описываемыми феноменами научно-педагогической деятельности.** Признак указывает на интенции статьи, ставящие под сомнение существующие теории и концепции, и создает эскиз новых представлений об объекте. Коэффициент инновационности по данному признаку высокий.

Таблица 2

Пример определения коэффициентов инновационности по признаку 3

Совпадение с психосемантическими категориями				
№ блока	**Категория**	**Ключевые слова и термины статьи 1**	**Частотность**	**Коэффициент Q3**
Блок 1				
А	Основные мысли			0
	Знакомство-представление			
	Взаимопонимание с аудиторией			
	Предмет обсуждения			
Б	Процесс	процесс	16	9
	Подготовка			
	Алгоритм			
	Результат	результат	14	
	Цель			
В	Преимущества			
	Достоинства			
	Аргументы			
Блок 2				
А	Методы			
	Процесс	процесс	16	

	Приемы			
	Результат			
Б	Современные технологические решения			
	Навык			
	Умения			
	Потребности	потребности	4	
	Знания			
В	Обучение на протяжении жизни			
	Условия	условия	15	
Г	Ответственное отношение к себе			
	Культура осознания собственных дефицитов			
	Успех	успех	7	
	Осознанный выбор			
Д	Внутренний план действий			
	Изменение			
	Компетенция	Компетенция	4	
	Учебная деятельность			
Е	Самостоятельность			
	Активная жизненная позиция			

Обобщенный алгоритм когнитивно-смыслового преобразования текстовых данных

Обобщенный алгоритм когнитивно-смыслового преобразования текстовых данных может быть описан рядом последовательных процедур: 1) определение тематического тезауруса для исследуемых текстов (проводится при участии экспертов в данной области); 2) психосемантическая категоризация; 3) построение базы семантически связанной лексики (базы знаний); 4) статистический лексический анализ исследуемого текста; 5) выделение из текста лексических единиц, входящих в данный тематический тезаурус; 6) определение соответствия семантически связанных лексических блоков статистически значимой лексики, входящей в заданный тезаурус исследуемого текста; 7) подсчет лексико-семантических блоков, соответствующих лексическому набору в исследуемом тексте, проверка на соответствие заданным параметрам.

Тематический тезаурус (Рис. 1) для определенной профессиональной области строится экспертами специалистами в данной области знания. Обследуется определенное количество профессиональных текстов, из которых экспертами выбираются значимые понятия и ключевые слова. Полученные таким образом лексические единицы группируются по темам, представляющие отдельные направления в данной профессиональной области.

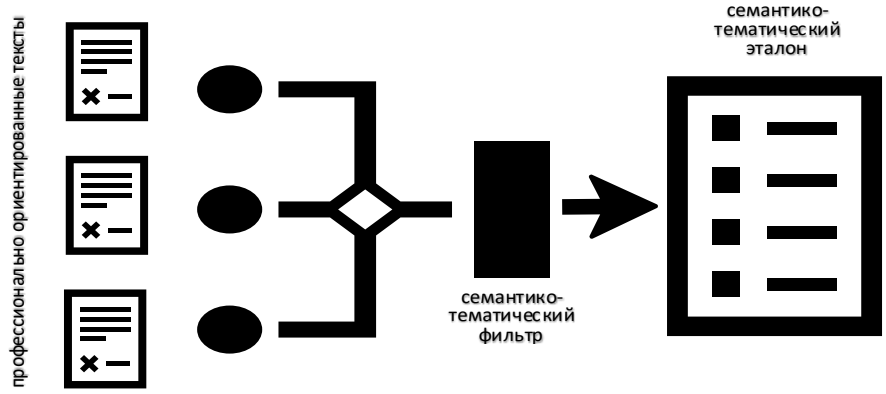

Рис. 1. Определение тематического тезауруса для исследуемых текстов (проводится при участии экспертов в данной области знания)

Процедура *психосемантической категоризации* (Рис. 2) заключается в следующем. Используя определения понятий и ключевые слова, выявленные экспертами из массива профессиональных текстов педагогической и психолого-педагогической сфер, респондентам предлагается соотнести определенные наборы опорных слов из тематических разделов различных направлений инновационной педагогики между собой по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного или кластерного анализа. Построение семантического пространства на базе оценок отдельных наборов опорных слов дает возможность выявления семантических пространств, состоящих из блоков семантически связанной лексики. Применяемый в данном методе математический аппарат, выявляет отношение человека, группы людей (при усреднении оценок внутри них) к тем или иным процессам и явлениям. Здесь осуществляется возможность сочетать качественные характеристики и количественные оценки.

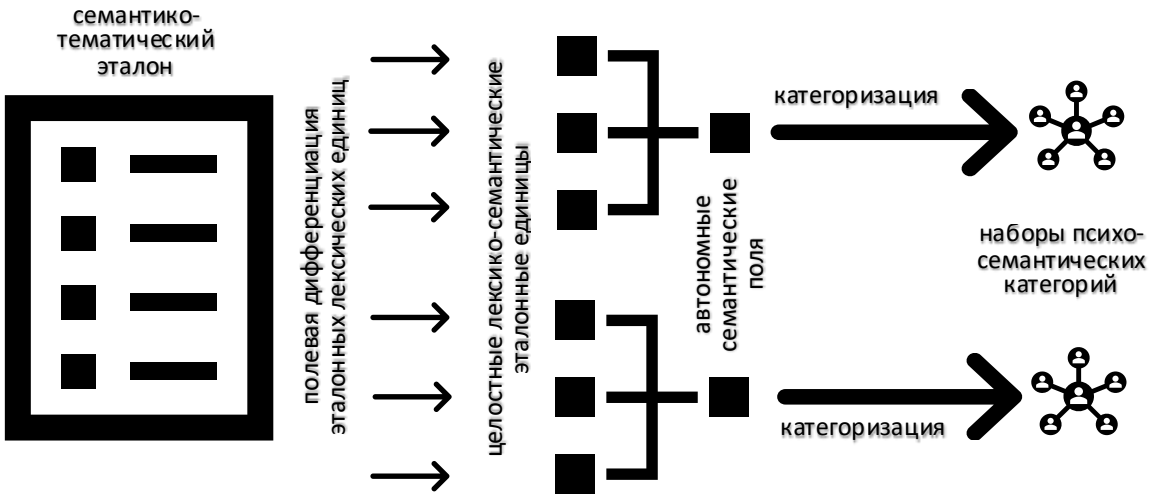

Рис. 2. Психосемантическая категоризация

Семантические пространства характеризуются различной размерностью (числом независимых, не коррелирующих факторов), разным содержанием выделенных факторов. Пяти- или семибалльные градуированные шкалы дают возможность индексировать не только качество, но и интенсивность значения, метод дает квантифицированную информацию о слабоструктурированных аспектах индивидуального сознания. Использование психосемантического метода исследования позволит выявить неосознаваемые самими людьми критерии восприятия и классификации предъявленных лексических наборов. Семантическое пространство является своеобразным метаязыком описания значений, позволяющим путем разложения их содержания в фиксированном алфавите категорий-факторов проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии путем вычисления расстояний между соответствующими значениям по координатным точкам в пространстве. Совместно рассматриваемые семантические пространства отдельных наборов лексических единиц можно представить как n-мерное семантическое пространство, объединяющее семантические пространства для отдельных блоков лексических единиц (Рис. 3).

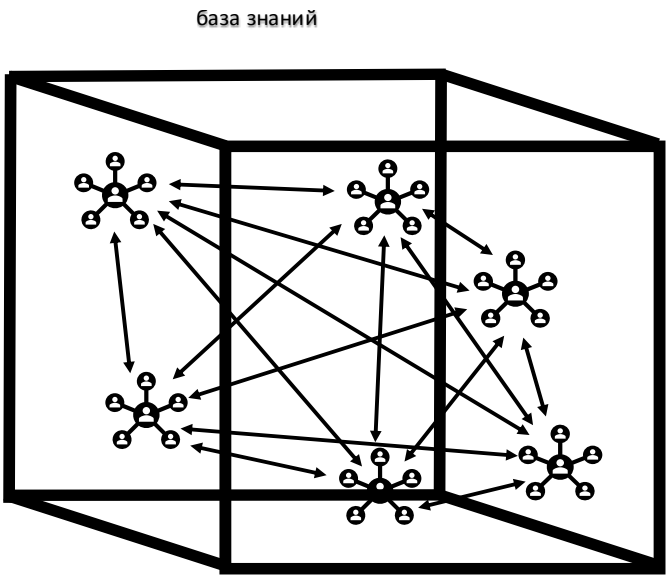

Рис. 3. Построение базы семантически связанной лексики (базы знаний)

Для последующего семантического исследования проводится *статистический лексический анализ текста* (Рис. 4). Строится частотная таблица исследуемого текста. Таблица состоит из нескольких разделов. Разделы отличаются количеством слов в строке. Создаются разделы, содержащие по одному слову в строке, по два слова в строке, по три слова в строке. Это обусловлено количеством слов, содержащихся в лексических единицах, выявленных экспертами из массива профессиональных текстов педагогической и психолого-педагогической сфер.

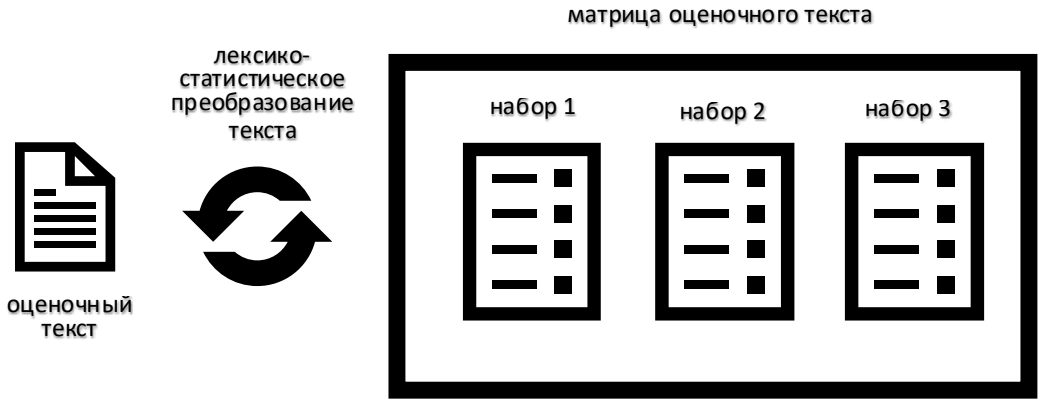

Рис. 4. Статистический лексический анализ исследуемого текста

На этом этапе осуществляется сравнение всех лексических единиц, содержащихся в тематическом тезаурусе с лексическими единицами в частотных таблицах, созданных из исследуемого текста. Совпавшие *лексические единицы выделяются в отдельный блок* (Рис. 5).

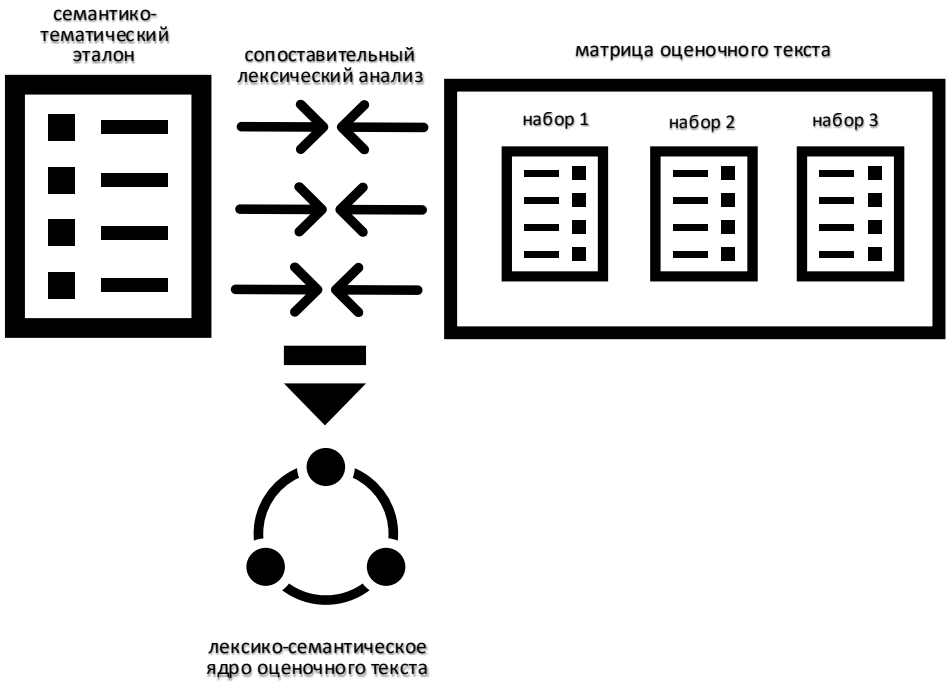

Рис. 5. Выделение из текста лексических единиц, входящих в данный тематический тезаурус

Проводится *сопоставление семантически связанных лексических блоков* (Рис. 6), полученных как результат психосемантического эксперимента представленных в форме таблиц с лексическими единицами, исследуемого текста, которые входят в данный тематический тезаурус (из блока 5). Фиксируются лексические единицы, представленные в семантически связанных блоках.

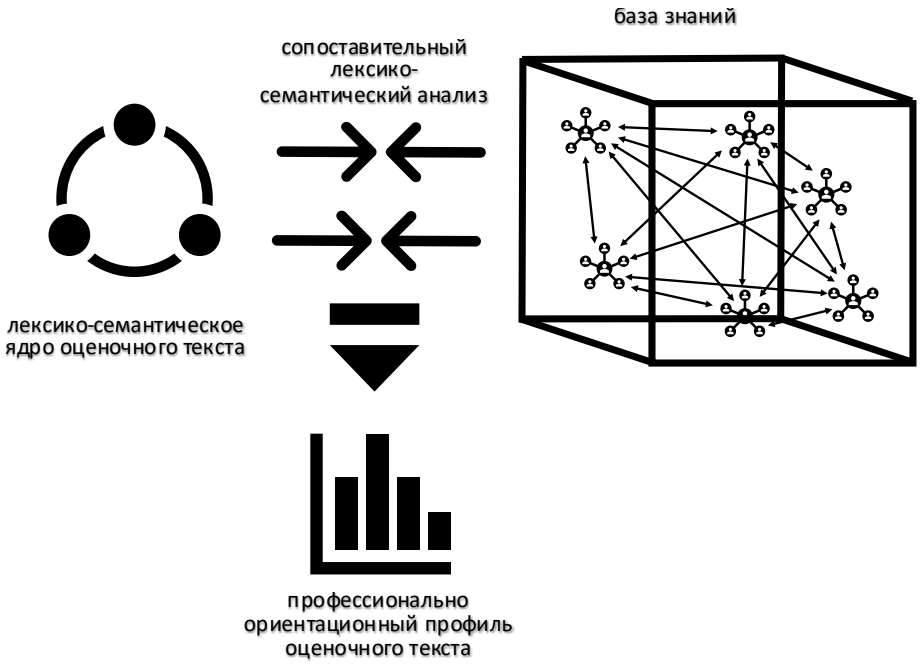

Рис. 6. Определение соответствия семантически связанных лексических блоков статистически значимой лексике входящей в заданный тезаурус в исследуемом тексте

Определение семантических блоков и подсчет элементов в этих лексических семантических блоках (Рис. 7), соответствующих лексическому набору в исследуемом тексте. По результатам этих подсчетов вычисляется коэффициент (рейтинг) принадлежности данного текста к искомой профессиональной тематике. Проверка на соответствие заданным критериям принадлежности позволяет скорректировать результаты анализа более точно.

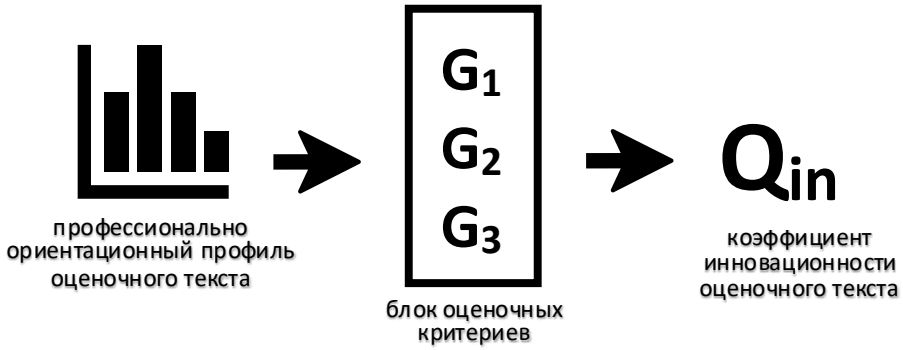

Рис. 7. Подсчет лексико-семантических блоков, соответствующих лексическому набору в исследуемом тексте, и проверка на соответствие заданным критериям

Выводы

С опорой на базовые принципы методологии научного исследования был разработан обобщенный алгоритм когнитивно-смыслового преобразования профессиональных текстов педагогов в признаки инновационности. Алгоритм представляет собой последовательную совокупность селективных и аналитических процедур.

К признакам инновационности педагогического текста относятся: а) отнесенность статьи к области научно-педагогической деятельности; б) однофакторность или многофакторность обсуждения (описания) исследуемой проблемы; в) степень проблематизации содержательно-категориальных связей между описываемыми феноменами научно-педагогической деятельности.

Обобщенный алгоритм разработан по аналогии с когнитивными процессами, обусловливающими порождение и восприятие речевых сообщений. Технологическая часть алгоритма смоделирована в соответствии с принципами функционирования ассоциативных центров

коры головного мозга человека, обеспечивающими восприятие, обработку, хранение и интеграцию информации. Также при разработке алгоритма использованы положения о семантической записи общей схемы порождения и восприятия речи.

Разработанный обобщенный алгоритм возможно использовать для поиска педагогических текстов, обладающих инновационным потенциалом. Кроме того, алгоритм может являться основой разработки педагогического искусственного интеллекта.

Литература

1. *Бажанов В.А.* Деятельностный подход // Энциклопедия и философия науки. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.

3. *Кудрявцев Т.В.* Психология технического мышления. М.: Педагогика, 1975. 303 с.

4. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

5. Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф. К проблеме анализа профессиональных речевых сообщений / Материалы XX Международной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», посвящённой 75-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. редактор А.В. Пузырёв, 16–18 сентября 2020 года, г. Покров, Россия. М.: МГПУ, 2020, С. 40-42.

6. *Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф., Пильгун М.А.* Методы контент-анализа инновационного потенциала научных текстов педагогической и психолого-

педагогической направленности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверь: ТвГСХА, 2020. № 2. С. 1-20.

7. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология научного исследования. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 280 с.

8. *Ракитин И.И.* О соотношении элементов проблемного и программированного обучения // 0 проблемном обучении. Вып. 3 / Под. Ред. Т.В. Кудрявцева. М., 1974.

9. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020622022 Российская Федерация. База данных по разработке алгоритма преобразования массива текстовых данных публикаций педагогической и психолого-педагогической направленности в показатели развития перспективных направлений инновационной педагогики: № 2020621480: заявл. 25.08.2020: опубл. 26.10.2020 / С.В. Мыскин; заявитель Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». – EDN WYIRYG.

10. *Хомская Е.Д.* Нейропсихология: учебник для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010. 496 с.

11. *Чернышова Г.Ю.* Интеллектуальный анализ данных: учеб. Пособие для студентов. Саратов: СГСЭУ, 2012. 92 с.

References

1. *Bazhanov V.A.* Deyatel'nostnyj podhod [Activity approach] // Enciklopediya i filosofiya nauki [Encyclopedia and philosophy of science]. M.: «Kanon +» ROOI «Reabilitaciya», 2009. 1248 s.

2. *Bahtin M.M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. 2-e izd., pererab. i dop. [Problems of Dostoevsky's poetics. 2nd ed., reprint. and additional]. M.: Sov. pisatel', 1963. 363 s.

3. *Kudryavcev T.V.* Psihologiya tekhnicheskogo myshleniya [Psychology of technical thinking]. M.: Pedagogika, 1975. 303 s.

4. *Luriya A.R.* Osnovnye problemy nejrolingvistiki [The main problems of neurolinguistics]. Izd. 3-e. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

5. *Myskin S.V., Tarasov E.F.* K probleme analiza professional'nyh rechevyh soobshchenij [On the problem of analyzing professional speech messages] / Materialy XH Mezhdunarodnoj konferencii «Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty», posvyashchyonnoj 75-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne [Materials of the XX International Conference "Language and Thinking: Psychological and linguistic aspects" dedicated to the 75th anniversary of victory in the Great Patriotic War] / Otv. redaktor A.V. Puzyryov, 16–18 sentyabrya 2020 goda, g. Pokrov, Rossiya. M.: MGPU, 2020, S. 40-42.

6. *Myskin S.V., Tarasov E.F., Pil'gun M.A.* Metody kontent-analiza innovacionnogo potenciala nauchnyh tekstov pedagogicheskoj i psihologo-pedagogicheskoj napravlennosti [Methods of content analysis of innovative potential of scientific texts of pedagogical and psychological-pedagogical orientation] // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal [The World of Linguistics and Communication: an electronic scientific journal]. Tver': TvGSKHA, 2020. № 2. S. 1-20.

7. *Novikov A.M., Novikov D.A.* Metodologiya nauchnogo issledovaniya [Methodology of scientific research]. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2010. 280 s.

8. *Rakitin I.I.* O sootnoshenii elementov problemnogo i programmirovannogo obucheniya [On the correlation of elements of problem-based and programmed learning] // O problemnom obuchenii. Vyp. 3 [On the problem-based learning. Issue 3] / Pod. Red. T.V.Kudryavceva. M., 1974.

9. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh № 2020622022 Rossijskaya Federaciya. Baza dannyh po razrabotke algoritma preobrazovaniya massiva tekstovyh dannyh publikacij pedagogicheskoj i psihologo-pedagogicheskoj napravlennosti v pokazateli razvitiya perspektivnyh napravlenij innovacionnoj pedagogiki : № 2020621480 : zayavl. 25.08.2020 : opubl. 26.10.2020 / S. V. Myskin ; zayavitel' Gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya goroda Moskvy «Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet» [Certificate of state registration of the database No. 2020622022 Russian Federation. Database on the development of an algorithm for converting an array of textual data of publications of pedagogical and psychological-pedagogical orientation into indicators of the development of promising areas of innovative pedagogy: No. 2020621480 : application. 25.08.2020 : publ. 26.10.2020 / S. V. Myskin ; applicant State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University"]. – EDN WYIRYG.

10. *Homskaya E.D.* Nejropsihologiya: uchebnik dlya vuzov [Neuropsychology: textbook for universities]. 4-e izd. SPb.: Piter, 2010. 496 s.

11. *Chernyshova G.YU.* Intellektual'nyj analiz dannyh: ucheb. Posobie dlya studentov [Intellectual data analysis: textbook. A manual for students]. Saratov: SGSEU, 2012. 92 s.

УДК 004.81; 159.9.072; 81’33

В.Н. Степанов
Международная академия бизнеса и новых технологий
150999, ул. Советская, д. 80
Ярославль, Россия
stepanov@mubint.ru

ЛОТМАН И СЕМИОСФЕРА ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВИСТИКИ

Аннотация. Статья посвящена эпистемологическим пересечениям идей Юрия Михайловича Лотмана и современных исследований публичной и медиакоммуникации. Автор дает краткое описание теории семиосферы Ю.М. Лотмана, особое внимание уделяет вопросам определения и характеристики семиотических границ и их преодоления в современной публичной коммуникации в цифровую эпоху. Предложенный Лотманом понятийный аппарат семиотического исследования задает парадигмальную модель интерпретации и актуального состояния и динамики семиотического пространства публичной коммуникации, статуса семиотических границ и семиозиса пограничных явлений как когнитивных феноменов. Продуктивная идея Ю. М. Лотмана о персонологической природе семиосферы позволяет рассматривать связи с общественностью как практическую информационно-коммуникационную деятельность (совокупность социальных практик), их субстанцию (публичную коммуникацию), результат (паблицитный капитал) и инструмент (текст) сквозь призму интеллектуальной личности, как когнитивную систему, хранящую многообразные коды, трансформирующую получаемые сообщения, порождающую новые сообщения и транслирующую их. Синергетическая ревизия пиарологии предполагает актуализацию представлений об онтологическом статусе и динамике каждого элемента публичной коммуникации как когнитивного феномена – адресанта (базисного субъекта PR), адресата (целевой общественности и ее сегментов), канала (медиа), кода, текста и контекста, результата - паблицитного капитала базисного субъекта PR.

Ключевые слова: когнитивистика, Ю.М. Лотман, семиосфера, семиозис, граница, пространство, коммуникация, личность, текст, связи с общественностью, капитал, субъект.

V. Stepanov

LOTMAN AND THE SEMIOSPHERE OF PUBLIC COMMUNICATION THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE STUDIES

Abstract. The article is devoted to the epistemological intersections of the ideas of Yuri Mikhailovich Lotman and modern studies of public and media communication. The author gives

a brief description of Lotman' notion of 'semiosphere', pays special attention to the issues of defining and characterizing semiotic boundaries as cognitive phenomena and overcoming them in modern public communication in the digital age. The conceptual apparatus of semiotic research proposed by Lotman sets the paradigm model for cognitive interpretation and the actual state and dynamics of the semiotic space of public communication, the status of semiotic boundaries and the semiosis of boundary phenomena. The productive idea of Yu. M. Lotman about the personological nature of the semiosphere allows us to consider public relations as a practical information and communication activity (a set of social practices), their substance (public communication), result (public capital) and tool (text) through the prism of an intellectual personality, as a cognitive system that stores diverse codes, transforms received messages, generates new messages and broadcasts them. The synergistic revision of PR involves updating the ideas about the ontological status and dynamics of each element of public communication through the prism of cognitive studies - the addresser (basic subject of PR), addressee (target public and its segments), channel (media), code, text and context, the result - the publicity capital of the basic subject of PR.

Keywords: Yu.M. Lotman, semiosphere, semiosis, cognitive studies, border, space, communication, personality, text, public relations, capital, subject.

«Культура есть устройство, вырабатывающее информацию»

Ю.М. Лотман

Теория семиосферы как когнитивного феномена в трудах Юрия Михайловича Лотмана

В использованном эпиграфе видна сущностная связь, которую Ю.М. Лотман провел между культурой и информацией: культура генерирует (вырабатывает) информацию. Системный взгляд и широкая эрудиция исследователя позволили ему утверждать, что культура «превращает не-информацию в информацию. Она есть анти-энтропийный механизм человечества» [9, с. 9]. Философские обобщения Лотмана облегчают дальнейший разговор о связях с общественностью как управленческой коммуникативной деятельности (совокупности социальных практик), направленной на оптимизацию взаимодействий социального субъекта со значимыми сегментами социальной среды — с его общественностью [Там же, с. 13].

Впервые понятие семиосферы Ю.М. Лотман ввел в научный оборот в одноименной статье, опубликованной в 1984 году в журнале «Труды по знаковым системам» (издается с 1964 года) в Тартуском университете. Семиосфера, или семиотическое пространство, формирует необходимые условия для коммуникаций. В своих размышлениях о семиосфере автор использовал аналогию между семиотическим пространством и понятием биосферы, введённым Владимиром Ивановичем Вернадским.

К фундаментальным отличительным признакам семиосферы Лотман относит, с одной стороны, *отграниченность* и *неравномерность*, а с другой – *однородность* и *индивидуальность*.

Семиотические признаки отграниченности и неравномерности связаны с категорией *границы*, внешней и внутренней. *Семиотическая граница* отделяет (отграничивает) семиосферу от «внешнего окружения» и тем самым способствует его семиотическому оформлению. По-видимому, «неорганизованное» внешнее окружение относится к обязательным условиям существования семиосферы, поскольку Лотман утверждает, что «семиосфера нуждается в «неорганизованном» внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации» [Там же, с. 15].

Семиотическая неравномерность относится к характеристикам внутренней организации семиосферы и обладает статусом закона. Суть *закона внутренней организации семиосферы* заключается в том, что семиотическое пространство делится на *ядро* и *периферию*: «Семиотическое пространство характеризуется наличием ядерных структур (чаще нескольких) с выявленной организацией и тяготеющего к периферии более аморфного семиотического мира, в который ядерные структуры погружены» [Там же, с. 16].

Лотман подчеркивает *условный* характер внутренних и внешних границ семиосферы и утверждает, что «позиция наблюдателя» определяет, «где проходит граница данной культуры» [Там же]. По его мнению, «семиотическая граница – сумма билингвальных переводческих «фильтров», переход сквозь которые переводит текст на другой язык (или языки), находящиеся вне данной семиосферы» [Там же, с. 13]. Другими словами, «граница – билингвальный механизм, переводящий внешние сообщения на внутренний язык семиосферы и наоборот» [Там же, с. 14].

«Билингвальная» природа внешних и внутренних пограничных семиотических процессов делает семиотическую границу «областью усиленного смыслообразования» [Там же, с. 17]. В отношении внутренних границ Лотман отмечает следующее: «Информационная трансляция через эти границы, игра между различными структурами и подструктурами, направленные непрерывные семиотические «вторжения» той или иной структуры на «чужую территорию» образуют порождение смысла, возникновение новой информации» [Там же].

Семиотические явления характеризуются определенного рода *изоморфизмом* (однородностью), что наделяет их способностью к «реконструкции семиотического целого по его части»: «любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняет механизмы реконструкции всей системы» [Там же, с. 17]. Идея реконструкции семиотического целого по его части позволяет провести аналогию между семиосферой и голограммой, в которой, как известно, частичная потеря информации не приводит к разрушению целого. Лотман отмечает, что «существует отчетливый параллелизм между индивидуальным сознанием, текстом и культурой в целом», а «вертикальный изоморфизм, существующий между структурами, расположенными на разных иерархических уровнях, порождает количественное возрастание

сообщений» [Там же, с. 18]. «Система, – пишет Лотман, – способна превращать текст в лавину текстов» [Там же].

Тексты, порождаемые в условиях диалогической коммуникации, Лотман считает *единым текстом*: «транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой точки зрения, единый текст, а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык» [Там же, с. 19]. Это позволяет ученому прийти к следующему обобщению: «диалог предшествует языку и порождает его» [Там же]. Одним из структурным принципов внутренней организации семиосферы как смыслопорождающего устройства Лотман называет *закон зеркальной симметрии*: «Если диалогические коммуникации – основа смыслообразования, то энантиоморфные разделения единого и сближения различного – основа структурного соотношения частей в смыслопорождающем устройстве» [Там же, с. 21].

Особое внимание в работах Лотмана уделяется *ритму*. «Способность выдавать информацию порциями, - пишет Лотман, - является всеобщим законом диалогических систем» [Там же, с. 18]. На примере поэтического текста Лотман формулирует ключевое наблюдение над ритмом в текстах: «Ритм возводится до уровня значений, значения складываются в ритмы» [Там же, с. 87].

В статье «О двух моделях коммуникации в системе культуры» Лотман противопоставляет две модели (системы) коммуникации «Я - ОН» и «Я - Я» и определяет общение по второй модели как *автокоммуникацию*. По словам Лотмана, «схема коммуникации «Я-ОН» подразумевает передачу информации при сохранении константности ее объема», а «схема «Я - Я»

ориентирована на возрастание информации (появление «сообщения 2» не уничтожает «сообщение 1»)» [Там же].

В своих наблюдениях над семиосферой Лотман использует антропоморфную метафору: «семиосфера есть «семиотическая личность» [Там же, с. 13]. Семиотически неоднородный текст демонстрирует свойства интеллектуального устройства – *автономной, интеллектуальной личности* и способен на самостоятельное поведение: «Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память. Одновременно он обнаруживает качество, которое Гераклит определил как «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства и когнитивной системы: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [Там же, с. 131].

Лотман выделил несколько социально-коммуникативных функций текста [Там же]:

1. текст опосредует общение между адресантом и адресатом, «выполняет функцию сообщения, направленного от носителя информации к аудитории»

2. текст опосредует общение между аудиторией и культурной традицией и «выполняет функцию коллективной культурной памяти»;

3. текст опосредует общение читателя с самим собою и «выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности читателя, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с метакультурными

конструкциями»;

4. текст опосредует общение читателя с текстом, проявляет интеллектуальные свойства, «перестает быть лишь посредником в акте коммуникации», «становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности», выступает как «самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге»;

5. текст опосредует общение между текстом и культурным контекстом и «выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта – источника или получателя информации».

В результате рассуждений Ю.М. Лотман дает тексту следующее определение: «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Там же].

Семиотические границы и пограничные семиотические явления как когнитивные феномены

Зарубежные исследователи, участники международного авторского коллектива книги о биографии и творчестве Ю.М. Лотмана [42], отмечают точки соприкосновения идей отечественного филолога и семиотика с современной практикой и методологией исследования актуальных вопросов культуры, социальной и массовой коммуникации, цифровых и медиатехнологий. К традиционным сферам влияния идей выдающегося ученого относятся литературоведение, семиотика, культурология, политология, с относительно недавнего времени к ним добавились

исследования массовой культуры, медиакоммуникаций и социальных сетей.

Пространственная метафора, использованная в свое время Ю.М. Лотманом, помогает в наименовании множащихся информационных каналов, которые современные исследователи предлагают называть по-разному: *инфосфера, медиасфера, медиаполе, медиасреда, «четвертый мир», медиапространство*. Последнее И.М. Дзялошинский определяет как сложную самоорганизующуюся систему, «которая с помощью прямых и обратных связей влияет на происходящие в ее границах процессы» [2, с. 13]. Границы и связанные с ними пограничные явления, интересовавшие Лотмана, актуальны для коммуникативных исследований и сегодня, а само понятие границы получает категориальный статус.

Фундаментальной особенностью современного *медиапространства* И.М. Дзялошинкий считает сочетание традиционных и новых *медиа* [2, с. 15]. К *новым медиа* относятся средства коммуникации, размещенные преимущественно в Интернете, а к их отличительным признакам традиционно относятся следующие: 1) неограниченный охват аудитории, 2) высокую оперативность доставки контента, 3) неограниченный объем информации, 4) низкую себестоимость распространяемой информации, 5) хранение информации в базах данных, что дает возможность ее повторного использования [Там же, с. 15-16].

Подвижные «границы» медиапространства И.М. Дзялошинский объясняет следующими *факторами*: 1) глобализацией, то есть возможностью практически мгновенного выхода за рамки отраслевых, корпоративных, национальных медиасистем в иные медиапространства; 2) виртуализацией, связанной с тем, что информационные образы объектов, персон и процессов теряют зеркальную связь с реальными образами; 3) резким количественным ростом и усложнением контактов; 4) появлением

принципиально новых коммуникационных форматов, которые связаны с производством содержания (контента) узкой группой специалистов для последующего потребления массой пользователей Сети (Web 1.0); самостоятельным производством контента массой пользователей и активным обменом информацией между ними, возникновение социальных сетей (Web 2.0); созданием рекомендательных сервисов в Сети, формируемых исключительно на основе мнений потребителей (Web 3.0) [Там же].

Текучую коммуникационную среду на современном этапе ее развития лучше всего характеризует понятие *трансформации*. Недаром М.Г. Шилина именно это понятие вынесла в название своей монографии [22].

Наиболее полный системный взгляд на текущие трансформации в современной нам виртуальной реальности и так называемых виртуальных сообществах представлен в коллективной монографии «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды» [20]. В этой книге содержатся теоретические изыскания и эмпирические наблюдения над состоянием информационно-коммуникационной среды.

Отечественные и зарубежные исследователи объясняют современные трансформационные процессы в сфере массовой коммуникации *медиатизацией* [38], под которой мы предлагаем понимать формирование новой среды с помощью каналов массовой коммуникации, виртуализацию и запечатление (импринтинг) социального опыта [13]. Именно медиатизация человеческого общения обусловливает могущество и приоритет *медиареальности*. Медиатизация становится тем цивилизационным фактором, который видоизменяет современную медиареальность, и медиакоммуникации, как трансграничные явления – «трансмедиации», становятся *мультимодальными* [44]. Некоторые

исследователи усматривают у современной сетевой коммуникации признаки нового вида *словесности* [11].

Наблюдения над актуальным состоянием гетерогенной массовой коммуникации начались с предметной области, которую отечественный исследователь Щипицина Л.Ю. называет «компьютерно-опосредованной коммуникацией» [26] и выделяет следующие специфические для интернет-коммуникации параметры: *электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность, количество, эксплицированность коммуникантов* [25, с. 11]. Категория семиотической границы, использованная Лотманом в исследованиях семиотических пространств, демонстрирует огромный интерпретационный потенциал в осмыслении современных коммуникативных процессов. По мнению Кин Ли, традиционная двунаправленная массовая коммуникация относится к уходящей (медиа)эпохе и превращается в *иммерсивную* [37], что свидетельствует о новом этапе развития медиакоммуникаций ("the third media age"). Как отмечает исследователь, это связано со стиранием *границ* ("vanishing boundaries") между *досугом*, *работой* и *жизнью*.

Очевидные различия, существующие между реальностью и ее виртуальной репрезентацией («матрицей»), усиливаются тем, что цифровые инструменты и платформы неуклонно становятся общедоступными, это дает основание исследователям характеризовать современную медиакультуру как *гибридную* [33].

Собственно социальные сети как неотъемлемая часть современной цифровой инфраструктуры и медиакоммуникаций свидетельствуют о становлении «культуры участия», ключевыми характеристиками которой зарубежные исследователи называют *участие, открытость, диалог, сообщество, контакт* [32, с. 53]. Этот тип культуры относится к

масштабным общественным феноменам и влияет на изменение семиотической значимости и коммуникативной роли отдельного человека как субъекта массовой коммуникации, приращение его субъектного статуса как полноправного и автономного «игрока» в пространстве публичной коммуникации, что позволяет ему быть «не просто частью аудитории».

Коммуникативные практики и цифровые технологии, апробируемые и диверсифицируемые в социальных сетях, активно «эксплуатируют» сугубый человеческий атрибут – его *эмоции* [30], которые становятся орудием в реальном идеологическом противостоянии и определяют очертания (границы) современной пропаганды [27]. Учитывая возрастающую роль эмоций и рост их удельного веса в публичной коммуникации В. Н. Степанов характеризует последнюю как в первую очередь *эмоциогенную* – «порождающую» эмоции [13].

Особое внимание исследователей привлекают новые коммуникативные практики с точки зрения их социально-культурного, психологического и ценностного потенциала. Дженни Кеннеди, анализируя практику «расшаривания» (sharing) в условиях цифровой культуры с использованием цифровых приборов и платформ, рассматривает это технологическое явление с точки зрения частных вопросов *обмена* (sharing), *приватности* (privacy) и *управления* (control) [35].

Технология блокчейна (blockchain) позволяет делиться (sharing) информацией и представляет собой новый уровень обмена – *ценностями* (sharing value) [28]. Цифровые платформы предоставляют пользователям инновационные технологические возможности – *загружать* (upload), *распространять* (share) контент, *реагировать* (respond) на него, а сами платформы занимаются *монетизацией* цифровых следов этой деятельности.

Сети, по мнению Джона Филда, позволяют людям делиться своими ценностями в сообществах, использовать эти сообщества как ресурс и тем самым формировать определенного рода капитал - *социальный*, другими словами, сети помогают людям взаимодействовать друг с другом ради взаимной выгоды: “Networks provide a basis for social cohesion because they enable people to cooperate with one another – and not just with people they know directly – for mutual advantage” [31, с. 12]. Формула социального капитала проста и учитывает категорию отношений: «relationships matter». Структура социального капитала включает в себя следующую последовательность: *сети* (networks) - *ценности* (values) - *ресурс* (resource) – *капитал* (capital). Таким образом, социальный капитал позволяет людям не только устанавливать связи, но и присваивать ценности группы: “it can only provide access to resources where individuals have not only formed ties with others but have internalised the shared values of the group” [Там же, с. 139].

Понятие социального капитала восходит к работам французского социолога Пьера Бурдье, который рассматривал его как один из ресурсов, связанный с обменом *ценностями* и ростом *доверия* в обществе. Бурдье считал, что *экономический* (финансовый, имущественный), *культурный* (знания, навыки, образование) и *социальный* (связи и членство в сообществах) виды капитала суть капитал *символический* (престиж, честь) [29] и определяется *социальным полем* (social field) и с социальными *позициями* членов общества [43, с. 231]. Социальный капитал формируется отношениями, возникающими между организацией и ее окружением, является ресурсом *власти* и поэтому относится к сфере связей с общественностью [34].

Исследователи отмечают у социального капитала наличие «темной» стороны, на которой «скрываются» дезинформация и популизм, демонстрирующие сегодня трансграничный характер, преодолевающие

границы стран, политических и медиасистем. В таких условиях публичная коммуникация все чаще оценивается как коммуникация в эпоху пост-факта и пост-правды – поляризованная и «анти-рациональная». Т. В. Рид подчеркивает, что мобильные технологии и социальные сети, новые платформы и инструменты изменили наше отношение к цифровым технологиям в эпоху пост-правды [39].

Неотъемлемым признаком современной медиакультуры оказался феномен медиафейков. При этом фейковыми могут быть любые сообщения и их форматы: фейковые новости, фейковый сайт, фейковая персона, фейковая цитата, жанровый фейк [3; 10]. И.А. Стернин и А.М. Шестерина разработали и опубликовали методику анализа текста СМИ на предмет выявления его фейкового характера [19]. Исследователи описали маркеры фейка в текстах двух типов: во-первых, содержащих общественно значимую информацию, во-вторых – коммерческую информацию. В каждом типе классифицированы и проиллюстрированы текстовые маркеры фейка и фейковые заголовки, а для текстов, содержащих общественно значимую информацию, описаны маркеры фейка на телевидении и в сетевом видео.
К негативным явлениям современной публичной коммуникации С.А. Самойленко относит *репутационную угрозу* (character assassination), которую понимает как коммуникативную стратегию дискредитации персоны или группы в рамках *субверсивной* коммуникации [40]. Исследователь рассматривает репутационную угрозу как инструмент идеологической борьбы в обществе и признак нового социального феномена – *культуры отмены* («cancel culture») [Там же, с. 186].

Семиотические границы и их преодоление

Одной из очевидных онтологических характеристик современного

медиапространства и продуктивной исследовательской идеей (в духе лотманских рассуждений о семиосфере и смыслопорождении) является *текстогенность*, которую Шилина М.Г. определяет как «комплекс антропогенно-технических факторов порождения, трансляции, обмена текстами публичной коммуникации, ведущих к образованию и функционированию новых типов носителей и генераторов информации во всех сферах жизнедеятельности и оказывающих на них влияние» [22, с. 458].

Трансформации в системе жанров массовой коммуникации вызвали к жизни специальное наименование «интернет-жанрология» [4] и исследовательский интерес к реструктурированию интернет-жанров, описанию новых жанров и переосмыслению «традиционных», например, поста [15], блога [24], pin [5], байлайнера [12], экономического и политического прогноза [21].

Медиатекст, как основная единица медиареальности, рассматривается как коммуникативное средство (посредник, медиатор) и «полноправный участник» (Ю. М. Лотман) коммуникации, та действующая сила, с помощью которой генерируется и транслируется многочисленным адресатам (массовому адресату) соответствующая *модель социального познания* [18]. При этом в разработке и структурировании медиатекста ключевую роль играют в первую очередь *универсальные когнитивные механизмы*, максимально генерализованные - наднациональные, надгендерные, надъязыковые, индифферентные интеркультурной данности.

С коммуникативной точки зрения, медиатекст «приобретает память», «выполняет функцию коллективной культурной памяти» (Ю.М. Лотман), содержит *модель социального познания* в миниатюре и транслирует ее с помощью сукцессии коммуникативных регистров речи: от

репродуктивного (через чувства) через информативный (через осознание) к генеритивному (к обобщению) [17].

С семиотической точки зрения, медиатекст имеет поликодовую структуру, при этом коды не просто взаимодействуют, но дополняют друг друга в соответствии с принципом *комплементарности* и формируют группы: коммуникативные, визуальные, музыкальные, текстовые, риторические, идеологические, культурные [18].

С точки зрения речевого воздействия и проявления речевой воли (силы) автора, медиатексты апеллируют к *разуму*, *чувствам* или *бессознательному* человека, используя для этого разные способы воздействия: *аргументацию* (убеждение), *суггестию* (внушение), *провоцирование* (заражение) [13].

В композиционном плане медиатекст в социальных сетях определяется требованиями *модульности*, чтобы облегчить читателю или зрителю охватить взглядом сразу весь текст. Понятие «модульный текст» Е.В. Быкова определяет как «текст, весь речевой массив которого располагается только на одной плоскости, т.е. буквально «втиснут» в заранее заданные параметры, ограниченные определенными, заранее заданными стандартизированными габаритами плоскости» [1, с. 42].

Анализ технологических инструментов, используемых современными медиа, позволяет выделить еще одно чрезвычайно влиятельное информационно-коммуникативное явление, связанное с категорией границы, – трансгрессивность современного медиатекста, его способность «перемещаться» между коммуникативными пространствами.

Трансгрессивность становится отличительным признаком медиатекста в условиях современной мультиканальной коммуникации и проявляется в его структуре, композиции и языке (стиле) [41]. Трансгрессивный потенциал медиатекста реализуют инородные вставные

текстовые элементы – метки, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг). Важнейшей функцией трансгрессии является мультипликация сообщения, его *трансгрессия*, с помощью которой, во-первых, пост появляется в новостной ленте другого аккаунта или агрегаторе (тематическом архиве) публикаций, а во-вторых – адресат получает уведомление о публикации и тем самым приглашается к обсуждению.

Категория трансгрессии выводит на первый план исследовательскую проблему *цифровой географии* - изучения не только границ, но и векторов расширения цифрового пространства и цифрового времени, преодолевающих «реальные» пространство и время с помощью специальных инструментов связи с другими аккаунтами и агрегаторами.

Эмоциогенный характер публичного общения и влияние поста на эмоциональное состояние массового адресата объясняется *трансфигурацией* субъекта коммуникации. Основным инструментом эмоциогенного общения в посте является так называемая грамматика эмотиконов [16], в рамках которой использование смайлов подчиняется определенного рода правилам использования: 1) вместо слов и целых высказываний, 2) вместо знаков препинания, 3) в начале и конце фраз.

Пиарология и ее синергетическая ревизия

Системный взгляд на науку о связях с общественностью – *пиарологию* – представлен в книге М.А. Шишкиной «Паблик рилейшнз в системе управления» [23]. Автор предлагает определение, которое давно стало хрестоматийным и активно используется в трудах Петербургской школы PR: «пиарология является наукой о закономерностях, принципах и механизмах формирования и функционирования связей с общественностью как совокупности социальных коммуникативных

практик» [6, с. 16]. Базовыми в описании объекта и предмета новой коммуникативной дисциплины стали понятия «коммуникация» и «информация»: «пиарология – это информационно-коммуникационное знание, ее объектом выступает социальная коммуникация» [23, с. 24]. Информационно-коммуникативная составляющая пиарологии подчеркивается в определении предмета науки: «предметом пиарологии является паблик рилейшнз, понимаемый как совокупность социальных практик, направленных на производство и воспроизводство эффективных публичных коммуникаций, и оптимизацию информационных взаимодействий между социальными субъектами и их целевыми группами» [Там же, с. 28].

К результатам PR-деятельности современные исследователи относят общественное мнение, бренд, имидж, репутацию, корпоративную идентичность (корпоративную политику и стратегию, корпоративную философию, корпоративную культуру) [6]. *Корпоративная культура* рассматривается сегодня как эффективный инструмент связей с общественностью, способствующий совершенствованию и устойчивому развитию организации [36].

И.П. Кужелева-Саган разработала авторскую «обобщенную трансспективную модель пиарологии как открытой самоорганизующейся когнитивной системы, представляющую собой синтез трехчастных моделей: «классической» пиарологии («социальной механики»); «неклассической» пиарологии («социальной кибернетики») и «постнеклассической» пиарологии («социальной синергетики»)» [8, с. 423]. В условиях «космических скоростей», с которыми появляются и развиваются новые медиа и эволюционирует информационная среды, актуальным представляется выделение особого направления науки о связях с общественностью - *жанровой пиарологии* [14]. В основу этой новой

автономной отрасли пиарологии следует положить критерий актуального и растущего многообразия информационных форматов PR-информации в условиях мультиканальной коммуникации, мультиканального PR-дискурса.

Начала этой идеи содержатся в ключевом труде А.Д. Кривоносова [7], который впервые представил системное описание текстов, инициируемых базисным субъектом PR и служащих приращению его паблицитного капитала. Паблицитный капитал (капитал публичности, известности, имиджевый капитал) формируется в пространстве публичных коммуникаций базисного субъекта PR и представляет собой *социальное отношение* [6, с. 36].

Нельзя не согласиться с автором, что «состояние современной пиарологии требует комплексного и всестороннего описания системы текстов, прежде всего, на бумажном носителе» [7, с. 56]. Кривоносов точно определяет тот ключевой фактор, который оказывает исключительное влияние на систему текстов: «Действительно, сегодня для передачи PR-информации используются различные каналы и коммуникационные технологии. Выше мы уже затрагивали проблемы глобализации информационного пространства, напрямую связанные с развитием компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий. Сейчас значительная часть информации, в том числе и PR-информации, передается целевой общественности прежде всего по электронным каналам. Интернет в современном обществе является своеобразным комплексным феноменом, который выступает и как источник, и как средство передачи информации, и как средство коммуникации» [Там же, с. 57].

С учетом актуального разнообразия информационных каналов и коммуникативных практик современной публичной коммуникации И. П.

Кужелева-Саган выделяет особый этап в онтогенезе пиарологии как информационно-коммуникационной дисциплины и определяет его как «постнеклассическую пиарологию» и «социальную синергетику», ориентированные «на решение задач выявления свойств PR как самоорганизующейся системы, «человекоразмерного объекта» и его возможностей в конструировании социальной среды (надсистемы)» [8, с. 412].

Синергетическая ревизия пиарологии предполагает актуализацию представлений об онтологическом статусе и динамике каждого элемента публичной коммуникации – адресанта (базисного субъекта PR), адресата (целевой общественности и ее сегментов), канала (медиа), кода, текста и контекста, результата - паблицитного капитала базисного субъекта PR.

Предложенный Ю.М. Лотманом понятийный аппарат семиотического исследования задает *парадигмальную модель* интерпретации и актуального состояния и динамики семиотического пространства публичной коммуникации, статуса семиотических границ и семиозиса пограничных явлений как когнитивных феноменов.

Продуктивная идея Ю.М. Лотмана о *персонологической природе* семиосферы позволяет рассматривать связи с общественностью как практическую информационно-коммуникационную деятельность (совокупность социальных практик), их субстанцию (публичную коммуникацию), результат (паблицитный капитал) и инструмент (текст) сквозь призму *интеллектуальной личности*, как когнитивную систему, хранящую многообразные коды, трансформирующую получаемые сообщения, порождающую новые сообщения и транслирующую их.

Литература

1. *Быкова Е.В.* Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика. Санкт-Петербург, 2012. 315 с.

2. *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических по специальности 10.01.10 – журналистика. М., 2013. 46 с.

3. *Иссерс, О.С.* Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123.

4. *Киуру К.В.* Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 51-55.

5. *Киуру К.В.* Pin как жанр текста в социальных медиа и его дискурсивные характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 224-228.

6. *Кривоносов А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А.* Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2010. 384 с.

7. *Кривоносов А.Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. 288 с.

8. *Кужелева-Саган И.П.* Научное знание о связях с общественностью (PR): Философский анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 464 с.

9. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. 479 с.

10. Манипуляции в СМИ-2014: «фейки» и «утки» // Пресс-служба. 2014. №12. С.92-94.

11. *Медведева Е.В.* Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв.ред. и сост Н.В.Аниськина, Л.В.Ухова. Ярославль: Из-во ЯГПУ, 2014. С. 165-177.

12. *Пескова Е.Н.* Байлайнер как жанр интернет-коммуникации // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. Вып. 11. 2014. № 2. С. 10-13.

13. *Степанов В.Н.* К вопросу об эмоциогенной коммуникации / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 1 (20). Рязань, 2012. С. 12-34.

14. *Степанов В.Н.* О насущной необходимости жанровой пиарологии // Российская пиарология: тренды и драйверы. Вып. 10 : сборник научных трудов в честь профессора А.Д. Кривоносова / под ред. Е.Ю. Кармаловой, К.В. Киуру. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 100-107.

15. *Степанов В.Н.* Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети фейсбук) / В. Н. Степанов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 1. 2014. С. 183-191.

16. *Степанов В.Н.* Прагматика и грамматика эмотиконов // Российская пиарология: тренды и драйверы. Вып. 15 : сборник научных трудов в честь профессора К.В. Киуру / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2022. С. 61-65.

17. *Степанов В.Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

18. *Степанов В.Н.* Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. Вып. 2 (13). Рязань, 2010. С. 92-100.

19. *Стернин И.А., Шестерина А.М.* Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж: Изд-во «Ритм», 2021. 60 с.

20. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д.С. Мартьянова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.

21. *Шевелевский И.М.* Экономический и политический прогноз в современном медиадискурсе (на материале деловых медиа) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 216-221.

22. *Шилина М.Г.* Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. М.: ООО «РИЦ Северо-Восток», 2012. 734 с.

23. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Изд-ва «Паллада-медиа» и СЗРЦ «РУСИЧ», 2002. 444 с.

24. *Щипицина Л.Ю.* Жанровая характеристика массово-информационного дискурса компьютерно-опосредованной коммуникации // М.В. Ломоносов и полиязычное информационно-образовательное пространство. Ч.1. Архангельск: Арктический федеральный ун-т, 2012. С. 263-268.

25. *Щипицина Л.Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 236 с.

26. *Щипицина Л.Ю.* Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка). Дис. …докт.филол.наук. Воронеж, 2011. 238с.

27. *Affective Politics of Digital Media: Propaganda by Other Means* / Eds.: Megan Boler, Elizabeth Davis, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020, 378 p.

28. *Blockchain and Web 3.0: Social, Economic, and Technological Challenges* / Eds.: Massimo Ragnedda, Giuseppe Destefanis, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 334 p.

29. *Bourdieu P.* The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.), Handbook of theory and research for the sociology of education, New York: Greenwood, 1986. P. 241-258.

30. *Ellis D., Tucker I.* Emotion in the Digital Age: Technologies, Data and Psychosocial Life, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020, 142 p.

31. *Field J.* Social Capital. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2008, 168 p.

32. *Heinonen A*. The Journalist's Relationship with Users: New Dimensions to Conventional Roles. Jane B. Singer, David Domingo, Ari Heinonen, Alfred Hermida, Steve Paulussen, Thorsten Quandt, Zvi Reich, Marina Vujnovic, Participatory Journalism: Guarding Open Gates at Online Newspapers, Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 34-55.

33. Hybrid Media Culture: Sensing Place in a World of Flows / Ed.: Simon Lindgren, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019. 176 p.

34. *Ihlen O.* The power of social capital: Adapting Bourdieu to the study of public relations // Public Relations Review, 31, 2005. P. 492-496.

35. *Kennedy J.* Digital Media, Sharing and Everyday Life, Abingdon, UK and New York: Routledge. 2019, 148 p.

36. *Korolko V., Nekrasova, O*. Corporate Culture and Public Relations. In Y. Golovakha (Ed.), Ukrainian Sociological Review 2006-2007, 2009. P. 105-122.

37. *Li Q.* Immersive Communication: The Communication Paradigm of the Third Media Age, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020. 204 p.

38. *Lundby K.* (Ed) Mediatization of Communication. Berlin, De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.

39. *Reed T.V.* Digitized Lives: Culture, Power and Social Change in the Internet Era, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 332 p.

40. *Samoilenko S.A*. Character Assassination: The Sociocultural Perspective, Journal of Applied Social Theory, Vol. 1, No 3, 2021, P. 186-205.

41. *Stepanov, V.N.* Ontology of transgressive social media. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, No 26(4), 2021, P. 641-648.

42. *Tamm M., Torop, P.* (Eds.) The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture. London: Bloomsbury Academic, 2021. 528 p.

43. *Thompson J.B.* (Ed.). Pierre Bourdieu, Language and symbolic power. Gino Raymond & Matthew Adamson (trans.). Cambridge: Polity, 1991. 303 p.

44. *Transmediations: Communication Across Media Borders* / Ed. Niklas Salmose, Lars Elleström, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 300 p.

References

1. *Bykova E.V.* Modul'nyj tekst v massovoj kommunikacii: zakonomernosti rechevoj organizacii. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih nauk po special'nosti 10.01.10 – zhurnalistika. Sankt-Peterburg, 2012. 315 s.

2. *Dzjaloshinskij I.M.* Kommunikacionnye strategii social'nyh institutov v mediaprostranstve Rossii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih po special'nosti 10.01.10 – zhurnalistika. M., 2013. 46 s.

3. *Issers, O.S.* Mediafejki: mezhdu pravdoj i mistifikaciej // Kommunikativnye issledovanija. 2014. № 2. S. 112–123.

4. *Kiuru K.V.* Internet-zhanrologija kak napravlenie izuchenija zhurnalistskogo teksta // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 26 (355). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 93. S. 51-55.

5. *Kiuru K.V.* Pin kak zhanr teksta v social'nyh media i ego diskursivnye harakteristiki // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 5 (360). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 94. S. 224-228.

6. *Krivonosov A.D., Filatova O.G., Shishkina M.A.* Osnovy teorii svjazej s obshhestvennost'ju. SPb.: Piter, 2010. 384 s.

7. *Krivonosov A.D.* PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij. 2-e izd., dop. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2002. 288 c.

8. *Kuzheleva-Sagan I.P.* Nauchnoe znanie o svjazjah s obshhestvennost'ju (PR): Filosofskij analiz. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 464 s.

9. *Lotman Ju.M*. Izbrannye stat'i v treh tomah. Tom I. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: «Aleksandra», 1992. 479 s.

10. Manipuljacii v SMI-2014: «fejki» i «utki» // Press-sluzhba. 2014. №12. S.92-94.

11. *Medvedeva E.V.* Osnovnye harakteristiki setevoj kommunikacii kak novogo roda slovesnosti // Aktivnye processy v social'noj i massovoj kommunikacii: kollektivnaja monografija / otv.red. i sost N.V.Anis'kina, L.V.Uhova. Jaroslavl': Iz-vo JaGPU, 2014. S. 165-177.

12. *Peskova E.N.* Bajlajner kak zhanr internet-kommunikacii // Vestnik Juzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: lingvistika. Vyp. 11. 2014. № 2. S. 10-13.

13. *Stepanov V.N.* K voprosu ob jemociogennoj kommunikacii / V. N. Stepanov // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. Vyp. 1 (20). Rjazan', 2012. S. 12-34.

14. *Stepanov V.N.* O nasushhnoj neobhodimosti zhanrovoj piarologii // Rossijskaja piarologija: trendy i drajvery. Vyp. 10 : sbornik nauchnyh trudov v chest' professora A.D. Krivonosova / pod red. E.Ju. Karmalovoj, K.V. Kiuru. SPb. : Izd-vo SPbGJeU, 2021. S. 100-107.

15. *Stepanov V.N.* Post kak instrument formirovanija social'nogo kapitala v social'noj seti (na primere social'noj seti fejsbuk) / V. N. Stepanov // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». Vyp. 1. 2014. S. 183-191.

16. *Stepanov V.N.* Pragmatika i grammatika jemotikonov // Rossijskaja piarologija: trendy i drajvery. Vyp. 15 : sbornik nauchnyh trudov v chest' professora K.V. Kiuru / pod red. prof. A.D. Krivonosova. SPb. : Izd-vo SPbGJeU, 2022. S. 61-65.

17. *Stepanov V.N.* Provocirovanie v social'noj i massovoj kommunikacii. SPb.: Roza mira, 2008. 268 s.

18. *Stepanov V.N.* Semioticheskie kody v reklamnom tekste // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. Nauchnyj zhurnal. Vyp. 2 (13). Rjazan', 2010. S. 92-100.

19. *Sternin I.A., Shesterina A.M.* Markery fejka v mediatekstah. Voronezh: Izd-vo «Ritm», 2021. 60 s.

20. Upravljaemost' i diskurs virtual'nyh soobshhestv v uslovijah politiki postpravdy. Monografija / Pod red. D.S. Mart'janova. SPb.: JelekSis, 2019. 312 s.

21. *Shevelevskij I.M.* Jekonomicheskij i politicheskij prognoz v sovremennom mediadiskurse (na materiale delovyh media) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2015. № 1. S. 216-221.

22. *Shilina M.G.* Tekstogennye transformacii infosfery. Metodologicheskij jeskiz stanovlenija Interneta. M.: OOO «RIC Severo-Vostok», 2012. 734 s.

23. *Shishkina M.A.* Pablik rilejshnz v sisteme social'nogo upravlenija. SPb.: Izd-va «Pallada-media» i SZRC «RUSICh», 2002. 444 s.

24. *Shhipicina L.Ju.* Zhanrovaja harakteristika massovo-informacionnogo diskursa komp'juterno-oposredovannoj kommunikacii // M.V. Lomonosov i polijazychnoe informacionno-obrazovatel'noe prostranstvo. Ch.1. Arhangel'sk: Arkticheskij federal'nyj un-t, 2012. S. 263-268.

25. *Shhipicina L.Ju.* Zhanry komp'juterno-oposredovannoj kommunikacii. Arhangel'sk: Pomorskij un-t, 2009. 236 s.

26. *Shhipicina L.Ju.* Kompleksnaja lingvisticheskaja harakteristika komp'juterno-oposredovannoj kommunikacii (na materiale nemeckogo jazyka). Dis. …dokt.filol.nauk. Voronezh, 2011. 238s.

27. Affective Politics of Digital Media: Propaganda by Other Means / Eds.: Megan Boler, Elizabeth Davis, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020, 378 p.

28. Blockchain and Web 3.0: Social, Economic, and Technological Challenges / Eds.: Massimo Ragnedda, Giuseppe Destefanis, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 334 p.

29. *Bourdieu P.* The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.), Handbook of theory and research for the sociology of education, New York: Greenwood, 1986. R. 241-258.

30. *Ellis D., Tucker I.* Emotion in the Digital Age: Technologies, Data and Psychosocial Life, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020, 142 p.

31. *Field J.* Social Capital. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2008, 168 p.

32. *Heinonen A.* The Journalist's Relationship with Users: New Dimensions to Conventional Roles. Jane B. Singer, David Domingo, Ari Heinonen, Alfred Hermida, Steve Paulussen, Thorsten Quandt, Zvi Reich, Marina Vujnovic,

Participatory Journalism: Guarding Open Gates at Online Newspapers, Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. R. 34-55.

33. Hybrid Media Culture: Sensing Place in a World of Flows / Ed.: Simon Lindgren, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019. 176 p.

34. *Ihlen O.* The power of social capital: Adapting Bourdieu to the study of public relations // Public Relations Review, 31, 2005. P. 492-496.

35. *Kennedy J.* Digital Media, Sharing and Everyday Life, Abingdon, UK and New York: Routledge. 2019, 148 p.

36. *Korolko V., Nekrasova O*. Corporate Culture and Public Relations. In Y. Golovakha (Ed.), Ukrainian Sociological Review 2006-2007, 2009. P. 105-122.

37. *Li Q*. Immersive Communication: The Communication Paradigm of the Third Media Age, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2020. 204 p.

38. *Lundby K.* (Ed) Mediatization of Communication. Berlin, De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.

39. *Reed T.V.* Digitized Lives: Culture, Power and Social Change in the Internet Era, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 332 p.

40. *Samoilenko S.A.* Character Assassination: The Sociocultural Perspective, Journal of Applied Social Theory, Vol. 1, No 3, 2021, P. 186-205.

41. *Stepanov V.N.* Ontology of transgressive social media. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, No 26(4), 2021, P. 641-648.

42. *Tamm M., Torop, P.* (Eds.) The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture. London: Bloomsbury Academic, 2021. 528 p.

43. *Thompson J.B.* (Ed.). Pierre Bourdieu, Language and symbolic power. Gino Raymond & Matthew Adamson (trans.). Cambridge: Polity, 1991. 303 r.

44. Transmediations: Communication Across Media Borders / Ed. Niklas Salmose, Lars Elleström, Abingdon, UK and New York: Routledge, 2019, 300 p.

УДК 004.81; 159.9.072; 81’33

Л.Р. Комалова
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
117418, Нахимовский проспект, 51/21
Москва, Россия,
komalova@inion.ru

В ПОИСКАХ СВЯЗИ МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ РЕЦИПИЕНТА И ОЦЕНКОЙ ИМ ГОЛОСОВЫХ И РЕЧЕВЫХ ПАРАМЕТРОВ ГОВОРЯЩИХ, АССОЦИИРУЕМЫХ С ОБРАЗОМ АГРЕССОРА[1]

Аннотация. В статье описываются результаты экспериментального исследования на материале слуховой перцепции. Проверяется гипотеза о том, что индивиды, в психологических профилях которых зафиксирована склонность к агрессивному типу реагирования на ситуации конфликта / фрустрации, в своих реакциях на ситуационный триггер характеризуют стимул как более агрессивный. Для определения психологического профиля испытуемых применительно к тематике исследования использовались стандартизированные методики психологического тестирования. Для выявления оценок, формируемых испытуемыми в отношении речевой продукции, ассоциирующей говорящего с образом агрессора, применялась отработанная методика перцептивно-слухового анализа. В качестве стимульного материала использовались 20 образцов звучащей речи, ассоциирующейся с образом агрессии (монологи, на русском языке, информанты: 10 мужчин, 10 женщин). В исследовании на разных его этапах приняли участие 34 испытуемых (11 мужчин, 23 женщины) – носителей русской лингвокультуры, составивших гомогенную группу, сбалансированную по возрасту, социально-экономическому статусу, уровню образования. Проверка статистических гипотез проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа для несвязных выборок (ANOVA) и коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s). В целом, сопоставление результатов

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук» по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».
The research is carried out within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions»

на основе корреляционного анализа обнаруживают схожие тенденции, выявленные в ходе дисперсионного анализа.

Ключевые слова: слуховое восприятие, перцептивный образ, агрессивное речевое поведение, речевая просодия, индивидуально-личностные характеристики.

L. Komalova

SEARCHING FOR CORRELATION BETWEEN RECIPIENTS' PERSONAL FEATURES AND HOW RECIPIENTS EVALUATE VOICE AND SPEECH FEATURES OF OTHER PEOPLE ASSOCIATED WITH THE IMAGE OF AGGRESSOR

Abstract. The paper describes the results of experimental research on the material of auditory perception. We check the hypothesis that individuals whose psychological profiles record a tendency to an aggressive type of response to conflict / frustration situations, in their reactions to a situational trigger, characterize the stimulus as more aggressive. To determine the psychological profile of participants in relation to the subject of the study, standardized psychological testing methods were used. To identify assessments formed by participants in relation to speech products associated with the speaker's image, a worked out methodology of auditory-perceptual analysis was used. We used as stimuli 20 samples of recorded speech associated with the image of aggressor (monologues, in Russian language by 10 male and 10 female informants). Overall of 34 native Russian participants (11 males, 23 females) formed a homogeneous group, balanced by age, socio-economic status, and the level of education. We checked statistical hypotheses using single-factor dispersion analysis for incoherent samples (ANOVA) and Spearman's rank correlation coefficient (r_s). In general, comparison of the results based on correlation analysis is characterized by similar trends revealed during dispersion analysis.

Keywords: auditory perception, perceptive image, aggressive speech behavior, speech prosody, individual-personal patterns.

Введение

В основе успешной социальной интеракции между людьми заложено, в том числе адекватное кодирование и расшифровка информации об эмоциональном состоянии коммуникантов [21]. Высказывания могут вызывать к жизни различные эмоциональные и эмоционально-модальные состояния в зависимости от их семантики и просодического оформления [10]. Физиологические реакции, спровоцированные эмоциями, вызывают вариации дыхания, фонации и артикуляции, которые непосредственно связаны с речью [25]. Кроме того, эмоционально насыщенные события

могут повлиять также на когнитивные процессы говорящего, что может отразиться на временных характеристиках речи [15]. Решающее значение в процессе кодирования и расшифровки различных эмоций имеют следующие акустические параметры: уровень, диапазон и контур основной частоты (f0, в герцах); интенсивность голоса (в децибелах) и временные явления (темп, длительность, паузы) [21]. Результаты исследований (см., например, обзоры: [10; 16]) демонстрируют, что разные комбинации скорости речи, уровня и вариации тона и интенсивности передают разные эмоции. На основе сочетаний данных показателей становится возможным описать просодические профили для каждой из базовых эмоций. Например, состояние гнева характеризуется высокой скоростью речи, высоким уровнем и изменчивостью интенсивности голоса, высоким уровнем основного тона и вариативностью основного тона [21].

Согласно гипотезе конгруэнтности черт, одной из наиболее влиятельных гипотез, исследующих различия в обработке эмоций, прослеживается влияние устойчивых черт личности на точность обработки эмоций индивидом (см. [13; 23]). Например, показатели экстраверсии и невротизма тесно связаны с обработкой положительных и отрицательных эмоций соответственно» [18; 14; 22]. Исследователи подтверждают (см., например, [24; 19], что точность распознавания различается в зависимости от качества эмоции: гнев распознается наиболее точно, счастье распознается с наибольшими трудностями [13], – однако в силу отсутствия статистически подтвержденных данных приходят к выводу, что устойчивые черты личности не могут служить предикторами индивидуальных различий в точности и скорости распознавания эмоций по голосу и речи [13], что находит подтверждение в исследованиях других авторов (см., например, [12; 11]). Наряду с этим искажение восприятия может быть вызвано эмоциональными характеристиками: всё-таки

устойчивые черты личности влияют на интерпретацию окружающей действительности [17].

Постановка проблемы

Комплексный подход к пониманию феномена агрессии предполагает учет того, что, отыгрывая агрессивное поведение, субъект в текущей ситуации не только переживает эмоциональные и эмоционально-модальные состояния, ассоциируемые с агрессией, но и воспроизводит ментальный образ ситуации, в которой (по его мнению) агрессивное поведение допускается / одобряется обществом (см. подробнее [2, с. 88-93]). Таким образом запускается когнитивный процесс, активизирующий установки, заложенные в процессе воспитания, задействующие освоенные типичные паттерны поведения для данного типа ситуаций. Иными словами, вступает в силу закон экономии энергии, когда субъект, оказавшись в затруднительной ситуации (фрустрации, неопределенности и т.п.), неосознанно выбирает уже привычные и освоенные им ранее паттерны поведения, тем самым снимая нагрузку с когнитивной системы.

Подобное стереотипное реагирование на определенный класс ситуаций должно быть органично субъекту действия, соответствовать его психофизиологическим и психологическими особенностям, типу центральной нервной деятельности – относительно устойчивым параметрам, характеризующим его личность.

Ранее (см. подробнее [5; 3]) мы исследовали формирование образа акта агрессии / агрессора с опорой на речевую продукцию, гендерные особенности восприятия данного образа, т.е. брали в расчет ситуационный аспект. В настоящей работе мы затронем более устойчивый элемент в

комплексной модели коммуникативного акта агрессии, а именно взаимосвязь индивидуально-личностных особенностей реципиента (воспринимающего на слух речевую продукцию, ассоциирующую говорящего с агрессором) и перцептивно-слуховых признаков, в комплексе воспринимаемых как речевая агрессия.

Целью настоящего исследования является проверка гипотезы о том, что субъекты, в психологических профилях которых зафиксирована склонность к агрессивному типу реагирования на ситуации конфликта / фрустрации, будут в своих реакциях на ситуационный триггер характеризовать стимул как более агрессивный.

Методика исследования

В исследовании на разных его этапах приняли участие 34 испытуемых (11 мужчин, 23 женщины) – носителей русской лингвокультуры, составивших гомогенную группу, сбалансированную по возрасту (молодежь в возрасте 18-22 лет), социально-экономическому статусу (испытуемые относят себя к среднему классу), уровню образования (студенты дневной формы обучения, третий курс, гуманитарии по профилю «теоретическая и прикладная лингвистика»).

Предварительно все испытуемые были проинформированы о проводимом исследовании, о возможности в любое время покинуть исследование, а также подписали информированное согласие.

Для определения психологического профиля испытуемых применительно к тематике исследования использовались стандартизированные методики психологического тестирования:

- (Т2) методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (в адаптации А.К. Осницкого) [1, с. 80-84];

- (Т6) методика диагностики доминирующей стратегии психической защиты в общении (В.В. Бойко) [6, с. 281-287];
- (Т7а) методика определения деструктивных установок в межличностных отношениях (В.В. Бойко) [8, с. 265-267];
- (Т7б) методика диагностики коммуникативной толерантности (В.В. Бойко) [8, с. 107-109].

Дополнительно результаты, полученные в ходе психологического тестирования, проверялась на предмет корреляции параметров избранных методик между собой: значения по параметру «вербальная агрессия» и «физическая агрессия» из Т2 сопоставлялись со значениями по параметру «открытая жестокость» из Т7а; «негативизм» из Т2 и «обоснованный негативизм» из Т7а; «косвенная агрессия» из Т2 и «завуалированная жестокость» из Т7а; значения по параметру «направленность агрессии» из Т2 и сумма ответов из Т7а; «уровень агрессивной мотивации» из Т2 и сумма ответов из Т7б; «индекс агрессивности» из Т2 и сумма ответов из Т7б; «индекс враждебности» из Т2 и сумма ответов из Т7б.

Для выявления оценок, формируемых испытуемыми в отношении речевой продукции, ассоциирующей говорящего с образом агрессора, применялась отработанная методика перцептивно-слухового анализа (по Р.К. Потаповой, см., например [20]).

В качестве стимульного материала из авторской мультилингвальной аннотированной устно-речевой базы данных речевой агрессии (см. подробнее: [2, с. 185-187]) было отобрано 20 образцов звучащей речи, ассоциирующейся с образом агрессии (монологи, на русском языке, информанты: 10 мужчин, 10 женщин).

После прослушивания каждого монолога испытуемым предлагалось оценить общий эмоциональный фон коммуникации по шкале от 0 до 10 (где значения от 0 до 3 соответствовало слабой эмоциональной

насыщенности коммуникации, от 4 до 6 – средней, от 7 до 10 – высокой), охарактеризовать голос и речь говорящего (зафиксировать признаки силы и высоты его голоса, мелодического рисунка речи, темпа и ритма речи, паузы и речевого дыхания). При математической обработке данных в расчеты включались средние значения оценок, данных респондентами в отношении 20 образцов звучащей речи.

Проводилась проверка статистической достоверности полученных результатов с применением следующих математических методов: 1) однофакторный дисперсионный анализ для несвязных выборок (*ANOVA*), 2) коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s).

Ранее нами было выявлено, что при перцептивно-слуховом восприятии русскоязычными испытуемыми в речевом образе русскоязычного агрессора доминируют следующие признаки: скачкообразный мелодический рисунок речи (резкие смены на уровне мелодических регистров с чередованием пиков и спадов), четкий речевой ритм, умеренно-средний темп речи, минимальная длительность пауз (короткие паузы); голос средней высоты, сила голоса изменяется, переходя от среднего к сильному; женщинам-агрессорам свойственно прерывистое дыхание, мужчинам – нормальное [4]. Поступательная интенсификация эмоционально-модального комплекса «агрессия» соотносится с повышением высоты голоса, увеличением силы голоса, увеличением изрезанности мелодического рисунка речи, ускорением темпа речи, затруднением речевого дыхания, насыщением голоса говорящего отрицательными тембральными оттенками (голос воспринимается как более глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный), в целом, возрастанием значения просодических средств при оценке голоса и речи говорящего [2, с. 209-212].

Результаты исследования

Психологический профиль группы испытуемых

В ходе анализа результатов тестирования был определен обобщенный психологический профиль участников исследования (испытуемых).

Психологическое тестирование по методике диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (в адаптации А.К. Осницкого)

Согласно результатам тестирования, испытуемые продемонстрировали широкий репертуар видов и форм агрессивного поведения (Табл. 1). В большинстве своем показатели по данному тесту варьируют в пределах нормы. Заниженные показатели по шкале «склонность к подозрительности» можно интерпретировать как возможное проявление испытуемыми излишней доверчивости и открытости, обусловленные комфортной средой жизнедеятельности (возможность обучаться по дневной форме предполагает удовлетворенность первичных потребностей в питании, жилье, а также отсутствие иждивенцев на попечении испытуемого), отсутствием негативного опыта межличностного взаимодействия, в котором они были обмануты, введены в заблуждение и т.п. Низкие показатели по шкале «склонность к проявлению обиды» можно интерпретировать как снижение соответствующего психологического свойства личности.

Завышенный показатель по шкале «аутоагрессия (чувство вины)» свидетельствует о психологической незрелости испытуемых, склонности атрибутировать себе слабую позицию во взаимодействии с другими субъектами, уверенность в том, что сам являешься источником всех бед (как личных, так и внешних), поиск причин неудач в самом себе, возможно

даже страх сделать взрослый шаг и противостоять трудностям, пройти которые возможно, проявив агрессивные черты характера.

Таблица 1.

Распределение результатов, полученных испытуемыми по методике диагностики показателей и форм агрессии (n = 34)

	Норма (в %)	Не норма (в %)		Всего (в %)
		ниже	выше	
Физическая агрессия	**44,12**	**32,35**	**23,53**	100
Вербальная агрессия	**58,82**	**17,65**	**23,53**	100
Косвенная агрессия	**61,76**	**14,71**	**23,53**	100
Негативизм	**38,24**	**38,23**	**23,53**	100
Склонность к раздражительности	**58,82**	**23,53**	**17,65**	100
Склонность к подозрительности	**44,12**	**50**	**5,88**	100
Склонность к проявлению обиды	**41,18**	**52,94**	**5,88**	100
Аутоагрессия (чувство вины)	**35,29**	**14,71**	**50**	100

Легенда: здесь и далее заливкой серого цвета отмечены доминирующие показатели группы испытуемых, не дифференцированной по гендеру.

В целом, наблюдается схожая картина для группы женщин и группы мужчин (Табл. 2, 3). При анализе данных по гендерному признаку в группе мужчин не было отмечено чрезмерной склонности к раздражительности,

подозрительности и обиде (Табл. 2), что отличает группу испытуемых-мужчин от группы испытуемых-женщин.

Таблица 2.

Распределение результатов, полученных испытуемыми-мужчинами по методике диагностики показателей и форм агрессии (n = 11)

	Норма (в %) Норма	Не норма (в %)		Всего (в %)
		ниже	выше	
Физическая агрессия	36,36	27,28	36,36	100
Вербальная агрессия	63,64	9,09	27,27	100
Косвенная агрессия	45,46	27,27	27,27	100
Негативизм	36,36	36,36	27,28	100
Склонность к раздражительности	72,73	27,27	0	100
Склонность к подозрительности	36,36	63,64	0	100
Склонность к проявлению обиды	45,45	54,55	0	100
Аутоагрессия (чувство вины)	27,27	27,27	45,46	100

Легенда: здесь и далее заливкой серо-синего цвета отмечены доминирующие показатели группы испытуемых-мужчин.

Таблица 3.

Распределение результатов, полученных испытуемыми-*женщинами* по методике диагностики показателей и форм агрессии (n = 23)

	Норма (в %)	Не норма (в %)		Всего (в %)
		ниже	выше	
Физическая агрессия	47,83	34,78	17,39	100
Вербальная агрессия	56,52	21,74	21,74	100
Косвенная агрессия	69,56	8,7	21,74	100
Негативизм	39,13	39,13	21,74	100
Склонность к раздражительности	52,17	21,74	26,09	100
Склонность к подозрительности	47,83	43,47	8,7	100
Склонность к проявлению обиды	39,13	52,17	8,7	100
Аутоагрессия (чувство вины)	39,13	8,7	52,17	100

Легенда: здесь и далее заливкой серо-красного цвета отмечены доминирующие показатели группы испытуемых-женщин.

В 100% случаев (у всех испытуемых) показатели индекса агрессивности (ИА) ниже нормы. Наряду с этим показатели уровня агрессивной мотивации (УАМ) в два-три раза выше значения индекса агрессивности также у всех испытуемых, что свидетельствует о нереализованном потенциале агрессии. Опираясь на исследовательскую практику и личный опыт, можно отметить, что подобная ситуация в среде молодежи отчасти связана с узким репертуаром проигрываемых

испытуемыми социальных ролей [5], стремлением в глазах других выглядеть только в положительном свете, отрицанием теневой / темной стороны своей личности (по К.Г. Юнгу [9]).

Психологическое тестирование по методике диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении (В.В. Бойко)

Тестирование прошли 20 испытуемых (7 мужчин, 13 женщин). Преобладающей стратегией защиты для испытуемых является избегание ситуации фрустрации, неопределенности, конфликта или субъектов, провоцирующих подобные ситуации (Табл. 4). Стратегия избегания основана на экономии интеллектуальных и эмоциональных ресурсов. В соответствии с интерпретацией, указанной в описании методики, избегание может обосновываться, как природными особенностями индивида (слабая врожденная энергия: бедные, ригидные эмоции, посредственный ум, вялый темперамент), так и рациональным выбором (наличие крепкой нервной системы, силы воли и жизненного опыта). Данный результат, по нашему мнению, соотносится с высокими показателями испытуемых по шкале «аутоагрессия», полученными в ходе тестирования по методике Басса-Дарки.

Интересно, что по сравнению с группой мужчин, в которой отсутствуют испытуемые с доминирующим типом защиты в виде агрессии, почти треть группы женщин выбирает агрессию в качестве доминирующей стратегии защиты.

Таблица 4.

Распределение результатов, полученных испытуемыми по методике диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении

Гендер испытуемых	Стратегия защиты (в %)			Всего (в %)
	миролюбие	избегание	агрессия	
По общей группе (м + ж)	30	55	15	100
По группе женщин	23,08	53,84	23,08	100
По группе мужчин	42,86	57,14	0	100

Психологическое тестирование по методике определения деструктивных установок в межличностных отношениях (В.В. Бойко)

В тестировании приняло участие 19 испытуемых (6 мужчин, 13 женщин).

В соответствии с описанием методики, максимальный общий балл, полученный испытуемым в ходе тестирования, равен 100. Если общий балл превышает 33, то у испытуемого отмечается наличие выраженной негативной коммуникативной установки. Мы позволили себе разделить баллы от 34 до 100 на три периода: 34-55 баллов соответствует слабовыраженной негативной коммуникативной установке, 56-77 баллов – умеренно выраженной, 78-100 баллов – сильно выраженной (Табл. 5).

Таблица 5.

Распределение результатов, полученных испытуемыми по методике определения деструктивных установок в межличностных отношениях

Гендер испытуемых	Негативная коммуникативная установка (в %)		Всего (в %)
		выражена	

	не выражена	слабо	умеренно	сильно	
По общей группе (м + ж)	26,32	31,57	36,84	5,27	100
По группе женщин	23,08	30,77	46,15	0	100
По группе мужчин	33,33	33,33	16,67	16,67	100

Деструктивная коммуникативная установка не выражена у 26,32% испытуемых, т.е. такие индивиды выстраивают межличностные отношения с др. людьми и судят о них непредвзято, их восприятие не предопределено устоявшимися ранее негативными стереотипами мышления или действия, формирующими враждебную картину мира и тем самым вынуждающими индивида воспринимать окружающих как врагов, выбирать конфликтные стратегии поведения, атрибутировать намеренность действий, воспринимаемых как приносящие ущерб. В исследуемой группе (м = ж) слабо, умеренно, сильно выраженными негативными коммуникативными установками руководствуются 73,68% испытуемых (53,84% женщин и 19,84% мужчин). Средний показатель по группе (м + ж) составил 49 баллов, что соответствует умеренно выраженной негативной коммуникативной установке (табл. 5). Следует отметить, что ни один испытуемый не набрал максимально возможного показателя в 100 баллов. Самый высокий показатель в группе равен 79 баллам. Только один испытуемый (мужчина) составил группу с сильно выраженной негативной коммуникативной установки (5,27%). Остальные испытуемые (68,41%) находятся в зоне слабо и умеренно выраженного значения негативной коммуникативной установки (34-77 баллов).

Психологическое тестирование по методике диагностики коммуникативной толерантности (В.В. Бойко)

В тестировании приняло участие 19 испытуемых (6 мужчин, 13 женщин).

Методика позволяет выявить уровень общей коммуникативной толерантности испытуемых, которая является предиктором тенденций по отношению к людям в целом, тенденций, обусловленных жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека. Общая коммуникативная толерантность в значительной мере предопределяет прочие ее формы – ситуативную, типологическую, профессиональную.

На основе проведенных разработчиком методики исследований утверждается, что в среднем опрошенные набирают от 30 до 43 баллов (это воспитатели дошкольных учреждений – 31 балл, врачи – 40 баллов, медсестры – 43 балла). Максимальный показатель результата составляет 135 баллов. Для удобства интерпретации полученных результатов мы разделили балльную шкалу на три периода: от 0 до 45 баллов характеризуют условно толерантных индивидов, от 46 до 90 баллов – умеренно выраженную условную интолерантность, от 91 до 135 баллов – ярко выраженную условную интолерантность. По табл. 6 видно, что большинство испытуемых (68,42%) относятся к индивидам с умеренно выраженной условной интолерантностью. Это свойственно как для группы женщин, так и для группы мужчин при раздельных подсчетах. Чуть больше трети испытуемых (31,58%) относится к условно толерантным индивидам.

Таблица 6.

Распределение результатов, полученных испытуемыми по методике диагностики коммуникативной толерантности

Гендер испытуемых	Условно толерантные (в %)	Условно интолерантные (в %)		Всего (в %)
		умеренно выраженно	ярко выраженно	
По общей группе (м + ж)	31,58	68,42	0	100
По группе женщин	23,08	76,92	0	100
По группе мужчин	50	50	0	100

Дальнейшие сопоставления оценок, данных испытуемыми в ходе перцептивно-слухового анализа, будут осуществляться в соответствии с распределением испытуемых по группам, выявленным на основе результатов психологического тестирования – в общей группе, отдельно по гендерному признаку (см. п.п. 6.1.-6.4). Следует отметить, что при применении разных тестовых методик в сформированные группы вошли разные испытуемые, в связи с этим сравнивать между собой результаты перцептивно-слухового анализа групп за границами одной методики не представляется возможным.

Выявление корреляции между параметрами психологических тестов, применяемых в настоящем исследовании

Проверка связи между параметрами психологических методик выявила статистически достоверную соотнесенность только для двух случаев (см. Табл. 7): 1) связь показателя «уровня агрессивной мотивации» по методике диагностики показателей и форм агрессии и суммы баллов по

методике диагностики коммуникативной толерантности (отрицательная тесная связь между анализируемыми параметрами при $\rho < 0,01$); 2) связь показателя «направленности агрессии» по методике диагностики показателей и форм агрессии и суммы баллов по методики определения деструктивных установок в межличностных отношениях (положительная корреляция средней силы при $\rho < 0,05$).

Таблица 7.

Корреляции между значениями параметров психологического тестирования

	ОЖ	ЗЖ	ОН	КТ	ДУ
ФА	0,013				
ВА	0,053				
КА		0,309			
Н			0,107		
УАМ				–1,176*	
НА					0,529**

Легенда: ФА = физическая агрессия, ВА = вербальная агрессия, КА = косвенная агрессия, Н = негативизм, УАМ = уровень агрессивной мотивации, НА = направленность агрессии; ОЖ = открытая жестокость, ЗЖ = завуалированная жестокость, ОН = оправданный негативизм, КТ = коммуникативная толерантность, ДУ = деструктивные установки. *Статистически значимая связь при $\rho < 0,01$. **Статистически значимая связь при $\rho < 0,05$.

Статистически достоверные корреляции, по нашему мнению, подтверждают сведения о поведенческих предпочтениях испытуемых в исследуемых условиях, а именно нереализованный потенциал агрессии соотносится с умеренно выраженной интолерантностью испытуемых (чем выше показатели коммуникативной интолерантности, тем ниже показатели уровня агрессивной мотивации).

Результаты перцептивно-слухового эксперимента

В настоящем исследовании нас интересует распределение оценок испытуемых по группам, выявленным на основе результатов психологического тестирования (в общей группе, отдельно по гендерному признаку). На данном этапе исследования применялся однофакторный дисперсионный анализ для несвязных выборок (результаты анализа данных перцептивно-слухового эксперимента представлены в Табл. 8).

Таблица 8.

Результаты дисперсионного анализа

Параметры голоса и речи, оцениваемые испытуемыми	Психологические тесты, в которых участвовали испытуемые			
	Т2, ВА	Т6	Т7а	Т7б
Оценка эмоций	**	**	**	**
Оценка высоты голоса	**	**	**	**
Оценка силы голоса	*	**	**	**
Оценка мелодики речи	**	**	**	**
Оценка темпа речи	**	**	**	**
Оценка речевых пауз	**	*	**	*
Оценка ритма речи	**	*	***	**
Оценка речевого дыхания	**	**	**	**

Легенда: * означает, что данные статистически значимы при $0,01 < \rho < 0,025$; ** при $0,05 < \rho < 0,1$; *** при $\rho < 0,5$

Выявление закономерностей между результатами тестирования по методике диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки и оценками, полученные в ходе перцептивно-слухового анализа

По сравнению с группами испытуемых с показателем вербальной агрессии (ВА) ниже нормы и в пределах нормы ***группа с показателем ВА выше нормы*** оценивает *эмоциональную насыщенность коммуникации* в стимульном материале как более высокую, *высоту голоса* говорящих как более высокую, *силу голоса* как более сильную, *мелодический рисунок речи* как более изрезанный (скачкообразный), *темп речи* как более быстрый, *ритм речи* как менее четкий, *паузы в речи* как более короткие, *речевое дыхание* как более близкое к норме.

Выявление закономерностей между результатами тестирования по методике диагностики доминирующей стратегии психической защиты в общении и оценками, полученные в ходе перцептивно-слухового анализа

По сравнению с группами испытуемых, выбирающими в качестве доминирующей психологической защиты стратегию миролюбия или стратегию избегания, ***группа, выбирающая стратегию агрессии***, оценивает *эмоциональную насыщенность коммуникации* в стимульном материале как более высокую, *мелодический рисунок речи* как более плавный, *ритм речи* как более четкий, *речевое дыхание* как более близкое к норме. *Высота голоса* воспринимается как более высокая по сравнению с группой испытуемых, выбирающих стратегию избегания, но более низкая по сравнению с группой, выбирающих стратегию миролюбия. Группами испытуемых, выбирающих стратегии избегании или агрессии, *сила голоса* оценивается как более слабая по сравнению с группой, выбирающей стратегию миролюбия. *Темп речи* оценивается как более быстрый по

сравнению с оценками группы «избегание», но более медленный по сравнению с группой «миролюбие». *Паузы в речи* оцениваются как более длительные по сравнению с группой «миролюбие», но как более короткие по сравнению с группой «избегание».

Выявление закономерностей между результатами тестирования по методике определения деструктивных установок в межличностных отношениях и оценками, полученные в ходе перцептивно-слухового анализа

По сравнению с группами испытуемых с невыраженной и слабо выраженной негативной коммуникативной установкой (НКУ) ***группа испытуемых с умеренно выраженной НКУ*** оценивает *эмоциональную насыщенность коммуникации* как более высокую, *высоту голоса* как более высокую, *силу голоса* как более сильную, *мелодику речи* как более изрезанную (скачкообразную), *темп речи* как более быстрый. Группами с умеренно и слабо выраженной НКУ *речевые паузы* воспринимаются как более длительные по сравнению с группой с невыраженной НКУ. *Речевой ритм* оценивается как более нечеткий по сравнению с группой со слабо выраженной НКУ, но как менее нечеткий по сравнению с группой с невыраженной НКУ. Речевое дыхание оценивается одинаково группами с невыраженной НКУ и умеренно выраженной НКУ, но как более приближенное к нормальному по сравнению с оценками, данными группой со слабо выраженной НКУ.

Выявление закономерностей между результатами тестирования по методике диагностики коммуникативной толерантности и оценками, полученные в ходе перцептивно-слухового анализа

По сравнению с испытуемыми, отнесенными к группе условно толерантных, ***группа с показателем умеренно выраженной интолерантности*** оценивает *эмоциональную насыщенность коммуникации* как менее высокую, *высоту голоса* как более высокую, *силу голоса* как менее сильную, *мелодический рисунок речи* как более плавный, *темп речи* как менее быстрый, *паузы в речи* как более длительные, *речевой ритм* как более четкий, *речевое дыхание* как более приближенное к нормальному.

В целом, отмечается тенденция к восприятию эмоциональной насыщенности коммуникации как более высокой, что в конкретном случае свидетельствует о том, что испытуемые, склонные выбирать в качестве доминирующей стратегии психологической защиты агрессию, склонны руководствоваться негативными коммуникативными установками, в чьем психологическом профиле показатель вербальной агрессии превышает норму, оценивают речевую продукцию, ассоциируемую с агрессией, как более агрессивную по сравнению с испытуемыми с показателем вербальной агрессии ниже или соответствующем норме, которые в качестве в качестве психологической защиты склонны прибегать к стратегии избегания или миролюбия и руководствуются толерантными коммуникативными установками. При этом применительно к исследуемому речевому материалу для первой группы характерна также тенденция к более близкому соответствию перцептивно-слуховому образу, ассоциируемому с агрессией: темп речи воспринимается как умеренно-быстрый, высота голоса как средняя с тенденцией к повышению, речевое дыхание как нормальное.

Определение корреляции индивидуально-личностных характеристик испытуемых с оценкой голосовых и речевых параметров говорящих, ассоциируемых с образом агрессора

Полученные в ходе анализа результаты (Табл. 9) свидетельствуют о преобладании слабой или очень слабой связи между анализируемыми параметрами. Более того, данные связи не получили статистического подтверждения. Из сопоставляемых параметров умеренно выраженные связи имеют лишь взаимосвязи между 1) показателями вербальной агрессии (ВА), уровня агрессивной мотивации (УАМ) с показателями перцептивно-слуховой оценки мелодики речи, 2) суммой баллов по Т6 и показателями оценки эмоциональности коммуникации, темпа речи, речевого дыхания, 3) показателем коммуникативной толерантности (Т7а) и оценкой мелодики речи, 4) показателем негативной коммуникативной установки (Т7б) и оценкой речевых пауз.

Можно предположить, что повышение показателя вербальной агрессии соотносится с повышением значений склонности испытуемых воспринимать стимульный речевой материал агрессивного содержания как характеризуемый большей изрезанностью мелодического рисунка речи. Увеличение уровня агрессивной мотивации, напротив, сопровождается снижением числа оценок по признаку «изрезанная мелодика речи». Более выраженная негативная коммуникативная установка в межличностных отношениях коррелирует с оценками мелодического рисунка речи как менее изрезанного. Повышение значений коммуникативной интолерантности положительно связано с восприятием пауз в речи как более длительных применительно к исследуемому речевому материалу.

При анализе оценок речевого материала по признакам голоса и речи не обнаруживается полного соответствия между выявленными ранее в

ходе сопоставления результатов психологического тестирования по разным методикам корреляциями в отношении следующих параметров: уровня агрессивной мотивации и коммуникативной толерантности; направления агрессии и негативной коммуникативной установки, которая отмечалась в п. 6.1.5.

В целом, сопоставления результатов на основе корреляционного анализа обнаруживают схожие тенденции, выявленные в ходе дисперсионного анализа, применительно к связям между оценкой мелодики речи в стимульном материале и показателями вербальной агрессии, направленности агрессии; оценкой темпа речи и показателями негативной коммуникативной установки; оценкой высоты голоса и показателями вербальной агрессии, коммуникативной интолерантности; оценкой речевого дыхания и показателями вербальной агрессии, негативной коммуникативной установкой.

Результаты анализа данных перцептивно-слухового эксперимента с применением метода определения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) представлены в Табл. 9.

Таблица 9.

Результаты анализа данных по методу ранговой корреляции

Параметры голоса и речи, оцениваемые испытуемыми	Психологические тесты, в которых участвовали испытуемые						
	Т2		Т6	Т7а			Т7б
	ВА	УАМ	сумма баллов	ОЖ	Б	сумма баллов	сумма баллов
Оценка эмоций	.141	–.0485	**–.306**	*.236*	*.243*	.111	*–.243*
Оценка высоты голоса	.0413	.0279	.0966	.122	–.0929	.0278	–.0625

Оценка силы голоса	.16	.151	.0634	–.0197	–.0977	–.12	–.173
Оценка мелодики речи	**.375**	**–.301**	.0562	–.106	–.197	**–.393**	*–.252*
Оценка темпа речи	*.265*	–.0139	**.37**	.151	.188	.0279	–.192
Оценка речевых пауз	–.034	–.0627	–.00103	.0697	*.23*	.0674	**.424**
Оценка ритма речи	.102	–.17	.0853	–.0504	–.11	–.169	–.2
Оценка речевого дыхания	*.221*	.118	**.384**	–.16	–.0468	*–.218*	.177

Легенда: для экономии места цифра «0» перед запятой снята, запятая заменена на точку; отрицательные корреляции отмечены знаком «–». ВА = вербальная агрессия, УАМ = уровень агрессивной мотивации, ОЖ = открытая жестокость, Б = брюзжание. Полужирным шрифтом выделены связи умеренной силы, курсивом – слабые связи, прямым шрифтом отмечаются связи очень слабой силы (см. подробнее: [7, с. 204]).

Заключение

Полученные в ходе дисперсионного анализа результаты свидетельствуют о том, что по сравнению с индивидами, выбирающими стратегию избегания или миролюбия в качестве психологической защиты, индивиды, предпочитающие в качестве защитной реакции стратегию нападения (агрессии), в ситуациях конфликта и фрустрации отличаются склонностью к восприятию речи говорящего как более агрессивной.

Отсутствие значимых связей в результате корреляционного анализа может означать следующее: испытуемые группы с высокими показателями индивидуально-личностных особенностей, соотносимых с категорией

«агрессивность», распознают агрессию по голосу и речи, но не отождествляют себя с потенциальным участником воспринимаемой ситуации, т.е. смотрят на ситуацию из вне / со стороны, таким образом, они не проявляют ни повышенной, ни пониженной реакции вовлеченности в ситуацию.

Литература

1. Диагностика эмоционально-нравственного развития / сост. И.Б. Дерманова. Санкт-Петербург: Речь, 2002. 171 с.

2. *Комалова Л.Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. Москва: Спутник +. 275 с.

3. *Комалова Л.Р.* Вербальная реализация агрессии как продукт социально-когнитивной депривации // Вопросы психолингвистики. 2016а. № 4 (30). С. 103-115.

4. *Комалова Л.Р.* Перцептивно-слуховой профиль (образ) агрессора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016б. № 7 (746). С. 116-126

5. *Комалова Л.Р.* Репертуар вербальной реализации ответной агрессии в ситуации статусно-ролевой асимметрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 9 (695). С. 104-116.

6. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методы и тесты. Самара: Бахрам-М, 2001. 664 с.

7. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 2000. 350 с.

8. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. 362 с.

9. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. Москва: АСТ, 2022. 336 с.

10. *Banse R., Scherer K.R.* Acoustic profiles in vocal emotion expression // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. P. 614-636.

11. *Banziger T., Grandjean D., Scherer K.R.* Emotion recognition from expressions in face, voice, and body: the Multimodal Emotion Recognition Test (MERT) // Emotion. 2009. Vol. 9. P. 691-704.

12. *Elfenbein H.A., Foo M.D., White J., Tan H.H., Aik V.C.* Reading your counterpart: the benefit of emotion recognition accuracy for effectiveness in negotiation // Journal of Nonverbal Behavior. 2007. Vol. 21. P. 205-223. DOI: 10.1007/s10919-007-0033-7

13. *Furnes D., Berg H., Mitchell R.M., Paulmann S.* Exploring the effects of personality traits on the perception of emotions from prosody // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. P. 1-14.

14. *Gomez R., Gomez A., Cooper A.* Neuroticism and extraversion as predictors of negative and positive emotional information processing: comparing Eysenck's, Gray's, and Newman's theories // European Journal of Personality. 2002. Vol. 16 (5). P. 333-350.

15. *Johnstone T., Scherer K.R.* Vocal communication of emotion // Lewis M., Haviland J.M. (Org.). Handbook of emotions. 2nd ed. Guilford: Nova Iorque, 2000. P. 220-235.

16. *Juslin P.N., Laukka P.* Communication of emotions in vocal expression and music performance: different channels, same code? // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. P. 770-814.

17. *Koich Miguel F., Pessotto F.* Projective aspects on cognitive performance: distortions in emotional perception correlate with personality // Psicologia: Reflexão e Crítica Psychology: Research and Review. 2016. Vol. 29 (17). P. 1-8.

18. *Larsen R.J., Ketelaar T.* Extraversion, neuroticism and susceptibility to positive and negative mood induction procedures // Personality and Individual Differences. 1989. Vol. 10. P. 1221-1228.

19. Paulmann, S., Furnes D., Bokenes A.M., Cozzolino P.J. (2016). How psychological stress affects emotional prosody. PLoS ONE, 11 (URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0165022)

20. *Potapova R., Potapov V.* Kommunikative Sprechtätigkeit: Rußland u. Deutschland im Vergleich. Böhlau Verlag, Köln, Weimar, Wien, 2011. 320 s.

21. *Preti E., Suttora Ch., Richetin J.* Can you hear what I feel? A validated prosodic set of angry, happy, and neutral Italian pseudowords // Behavior Research Methods. 2016. Vol. 48. P. 259–271.

22. *Robinson M.D., Ode S., Moeller S.K., Goetz P.W.* Neuroticism and affective priming: evidence for a neuroticism-linked negative schema // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 42. P. 1221-1231.

23. *Rusting C.L.* Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: three conceptual frameworks // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. P. 165-196.

24. *Scherer K.R.* Emotion psychology can contribute to psychiatric work on affect disorders: A review // Journal of the Royal Society of Medicine. 1989. Vol. 82. P. 545-547.

25. *Scherer K.R.* Vocal affect expression: a review and a model for future research // Psychological Bulletin. 1986. Vol. 99 (2). P. 143-165.

References

1. Diagnostika jemocional'no-nravstvennogo razvitija / sost. I.B. Dermanova. Sankt-Peterburg: Rech', 2002. 171 s.

2. *Komalova L.R.* Agressogennyj diskurs: tipologija mul'tilingval'noj verbalizacii agressii. Moskva: Sputnik +. 275 s.

3. *Komalova L.R.* Verbal'naja realizacija agressii kak produkt social'no-kognitivnoj deprivacii // Voprosy psiholingvistiki. 2016a. № 4 (30). S. 103-115.

4. *Komalova L.R.* Perceptivno-sluhovoj profil' (obraz) agressora // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016b. № 7 (746). S. 116-126

5. *Komalova L.R*. Repertuar verbal'noj realizacii otvetnoj agressii v situacii statusno-rolevoj asimmetrii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. № 9 (695). S. 104-116.

6. *Rajgorodskij D.Ja.* Prakticheskaja psihodiagnostika. Metody i testy. Samara: Bahram-M, 2001. 664 s.

7. *Sidorenko E.V.* Metody matematicheskoj obrabotki v psihologii. Sankt-Peterburg: Social'no-psihologicheskij centr, 2000. 350 s.

8. *Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M.* Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp. Moskva: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2002. 362 s.

9. *Jung K.G.* Problemy dushi nashego vremeni. Moskva: AST, 2022. 336 s.

10. *Banse R., Scherer K.R*. Acoustic profiles in vocal emotion expression // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. P. 614-636.

11. *Banziger T., Grandjean D., Scherer K.R*. Emotion recognition from expressions in face, voice, and body: the Multimodal Emotion Recognition Test (MERT) // Emotion. 2009. Vol. 9. P. 691-704.

12. *Elfenbein H.A., Foo M.D., White J., Tan H.H., Aik V.C.* Reading your counterpart: the benefit of emotion recognition accuracy for effectiveness in negotiation // Journal of Nonverbal Behavior. 2007. Vol. 21. P. 205-223. DOI: 10.1007/s10919-007-0033-7

13. *Furnes D., Berg H., Mitchell R.M., Paulmann S.* Exploring the effects of personality traits on the perception of emotions from prosody // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. P. 1-14.

14. *Gomez R., Gomez A., Cooper A.* Neuroticism and extraversion as predictors of negative and positive emotional information processing: comparing Eysenck's, Gray's, and Newman's theories // European Journal of Personality. 2002. Vol. 16 (5). P. 333-350.

15. *Johnstone T., Scherer K.R.* Vocal communication of emotion // Lewis M., Haviland J.M. (Org.). Handbook of emotions. 2nd ed. Guilford: Nova Iorque, 2000. P. 220-235.

16. *Juslin P.N., Laukka P.* Communication of emotions in vocal expression and music performance: different channels, same code? // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. P. 770-814.

17. *Koich Miguel F., Pessotto F.* Projective aspects on cognitive performance: distortions in emotional perception correlate with personality // Psicologia: Reflexão e Crítica Psychology: Research and Review. 2016. Vol. 29 (17). P. 1-8.

18. *Larsen R.J., Ketelaar T.* Extraversion, neuroticism and susceptibility to positive and negative mood induction procedures // Personality and Individual Differences. 1989. Vol. 10. P. 1221-1228.

19. Paulmann, S., Furnes D., Bokenes A.M., Cozzolino P.J. (2016). How psychological stress affects emotional prosody. PLoS ONE, 11 (URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0165022)

20. *Potapova R., Potapov V.* Kommunikative Sprechtätigkeit: Rußland u. Deutschland im Vergleich. Böhlau Verlag, Köln, Weimar, Wien, 2011. 320 s.

21. *Preti E., Suttora Ch., Richetin J.* Can you hear what I feel? A validated prosodic set of angry, happy, and neutral Italian pseudowords // Behavior Research Methods. 2016. Vol. 48. P. 259–271.

22. *Robinson M.D., Ode S., Moeller S.K., Goetz P.W.* Neuroticism and affective priming: evidence for a neuroticism-linked negative schema // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 42. P. 1221-1231.

23. *Rusting C.L.* Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: three conceptual frameworks // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. P. 165-196.

24. *Scherer K.R.* Emotion psychology can contribute to psychiatric work on affect disorders: A review // Journal of the Royal Society of Medicine. 1989. Vol. 82. P. 545-547.

25. *Scherer K.R.* Vocal affect expression: a review and a model for future research // Psychological Bulletin. 1986. Vol. 99 (2). P. 143-165.

УДК 159.9

П.Л. Новикова
Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Россия, Москва
novapoline@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ В РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В данном исследовании осуществлена попытка психологического и психолингвистического анализа процесса переживания ребенком социальной ситуация развития и отражения этого в речи. При этом главным критерием освоения социальной ситуации развития ребенком выступает его способность описать существенные характеристики социальной ситуации развития в виде оформленного речевого высказывания, ее обобщения посредством языка (по Выготскому *в знаке*). Исследование речи младшего школьника направлено на выделение набора определенных языковых средств, которые используются при оценивании степени вхождения и освоения социальной ситуации развития. Отсутствие определенных речевых характеристик указывает на переживание трудностей в освоении социальной ситуации развития ребенком, а их наличие – успешную ее интериоризацию. Именно эти два параметра можно отнести к особенностям субъективного переживания младшим школьником социальной ситуации развития. Прикладной аспект исследования представлен классификацией речевых признаков, по которым учитель, школьный психолог, социальный педагог или родитель могут сделать выводы о нормативности или не нормативности протекаемых на данном возрастном этапе психических процессов.

Ключевые слова: социальная ситуация развития, речевое опосредование, речевые маркеры, переживание, младший школьный возраст.

P. Novikova

REFLECTION OF SUBJECTIVE EXPERIENCE OF THE SOCIAL SITUATION OF DEVELOPMENT IN THE SPEECH OF YOUNGER STUDENTS

Abstract. In the given research an attempt of psychological and psycholinguistic analysis of child's experience of social situation of development and its reflection in speech is carried out. Thus the main criterion of a child's mastering of the social situation of development is his or her ability to describe essential characteristics of the social situation of development in the form of a formalized speech statement, its generalization by means of language (according to

Vygotsky in a sign). The study of the speech of the younger schoolboy is aimed at the allocation of a set of certain linguistic means which are used for an estimation of a degree of entrance into and mastering of a social situation of development. The absence of certain speech features points to the experience of difficulties in the child's mastering of the social situation of development, and their presence indicates successful interiorization. Exactly these two parameters can be referred to the peculiarities of subjective experience of the social situation of development by a junior schoolboy. The applied aspect of research is presented by classification of speech features on which a teacher, school psychologist, a social teacher or a parent can draw conclusions about normativity or non-normativity of mental processes proceeding at the given age stage.

Key words: social situation of development, speech mediation, speech markers, experience, younger school age.

Введение

Одна из основных задач современного образовательного учреждения состоит в создании таких психологических условий, при которых ребенок (школьник) мог бы приобретать социальный опыт сообразно социальной ситуации развития. Школа является для ребенка первой и основной моделью социума. Именно школьный опыт помогает ребенку постигать те законы, по которым живет взрослый мир (различные социальные роли, принятые нормы и правила), определяет характер будущих межличностных отношений.

Исследователями выделены две социально-педагогические задачи школы как института социализации: 1. освоение детьми нормативных норм и ценностей; 2. формирование собственной позиции, субъективного отношения к предъявляемым нормам [8]. Эти две задачи отражают и две стороны вхождения ребенка в общество. Человек должен уметь включаться в существующие социальные связи, подчиняться сложившимся нормам и правилам. В то же время очень важной является и позиция сравнения существующих нормативных систем, а также построение своей собственной жизненной позиции. Отсюда вытекает необходимость создания для детей психологических условий для сравнения различных ценностных систем и выбора из этих жизненных позиций.

Обозначенные задачи отражают и два основных аспекта вхождения ребенка социальную ситуацию развития. В соответствии с новообразованиями, которые характеризуют вхождение ребенка в актуальную социальную ситуацию, ребенок должен уметь быть включенным в происходящее, подчиняться существующим нормам и правилам. При этом очень важным является процесс сравнения ребенком существующих нормативных систем с его собственной жизненной позицией. В качестве способов осознания своего поведения могут выступать различные образы, правила или способы действия, а также язык и речь.

Центральная идея нашего исследования может быть сформулирована в следующем тезисе: если ребенок в процессе переживания социальной ситуации развития усвоил новый опыт, его интериоризировал, то это будет отражено и в его речи. Методологической основой данного гипотетического положения являются теория Л.С. Выготского об опосредованном развитии высших психических функций [5], теория речевой деятельности А.А. Леонтьева [7] и концептуальные положения о социальной ситуации развития Л.И. Божович [1-2].

Структура социальной ситуации развития

В психологии понятие социальной ситуации развития (далее – ССР) введено Л.С. Выготским как структурный компонент психологического возраста [6]. В своем учении о структуре и динамике возраста он сформулировал положение о социальной среде как источнике психического развития детей, в котором обучение играет ведущую роль. А связанные с этим переживания выступают внутренним маркером (не)благоприятности среды [3]. В концепции Л.С. Выготского человеческое

поведение регулируется и контролируется посредством знака, то есть оно опосредствовано знаками. Основной функцией такого знакового средства является объективация своего поведения, в том числе и превращение его в особый культурный предмет, отделенный от внутреннего мира человека. В результате чего становится возможным формирования осознанного отношения к нему, его понимание. Самая универсальная знаковая система – это язык, который опосредует все протекающие психические процессы. Таким образом, центральная линия развития сознания ребенка, по мнению Л.С. Выготского, – это развитие речевого опосредования. Данная мысль является ключевой для нашего исследования. Универсальное значение речи состоит в том, чтобы дать возможность человеку понять свои действия. Проговаривая то, что он делает и почему (вслух или про себя), человек может осознать свои действия и осмыслить свое отношение к ним. Наряду со стимулами, доходящими из среды, ребенок при помощи речи создает другую систему вспомогательных стимулов, стоящих между ним и средой и направляющих его поведение. Именно благодаря созданному с помощью речи второму ряду стимулов поведение ребенка поднимается на более высокий уровень, обретая относительную свободу от непосредственно привлекающей ситуации; импульсивные попытки преобразуются в организованное поведение.

Изучение социальной ситуации предполагает анализ роли среды в развитии ребенка, изучение отношения ребенка к отдельным элементам среды, оценку его позиции в социальной среде.

Формулируя свою позицию о ССР, Л.С. Выготский учитывает избирательное отношение ребенка к окружающей действительности и подчеркивает субъективный характер взаимодействия ребенка с социальной средой (субъективный аспект ССР). Таким образом ребенок не просто испытывает воздействие среды, а *переживает* социальную

действительность через формирование отношения к среде, отношение, которое затем он выражает в речи и поведении. Предложенное Л.С. Выготским разделение субъективного и объективного аспектов социальной ситуации развития в последствии разрабатывалось Л.И. Божович, изучавшей условия и механизмы перехода объективных отношений в субъективные, обладающие личностным смыслом для ребенка. Объективный аспект социальной ситуации развития Л.И. Божович определяла как место ребенка в системе общественных отношений, наделенное некоторыми правами ребенка и требованиями, предъявляемыми окружением к его поведению и деятельности, системой санкций и социальных ожиданий [1]. Общество вырабатывает систему воспитания, включающую образ детства, культурные ожидания, социальные предписания и ограничения, которые составляют объективное содержание социальной ситуации развития. Субъективное отношение ребенка к социальному окружению получило в работах Л.И. Божович название *внутренней позиции ребенка* и определялась как система потребностей и стремлений ребенка, которая складывается в особое личностное образование и становится движущей силой развития у него новых психических качеств на каждом возрастном этапе. Психическое развитие Л.И. Божович понимала как изменение социальной позиции, принятое и *осмысленное самим ребенком*.

Для каждой возрастной стадии внутренняя позиция специфична и обладает некоторыми характерными особенностями.

В возрастной структуре изменения ССР определяется особенностями освоения ребенком новой социальной позиции, иерархии и роли социальных контекстов, изменением сензитивности ребенка к различным социальным ситуациями; возрастанием влияния образа сознания в построении стратегий взаимодействия со значимыми социальными

окружением. В дошкольном возрасте внутренняя позиция представляет собой генерализованное переживание ребенком отношений со значимым социальным окружением, а к началу школьного возраста она приобретает когнитивные компоненты и черты осознанности, становится дифференцированным.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующую познавательную пользу для нашего исследования. Осознанность собственного поведения предполагает его опосредствованность, то есть наличие средства, с помощью которого человек может выйти за пределы непосредственной ситуации и отнестись к себе и своему поведению как бы со стороны, с точки зрения этого средства (речевого знака, образца, правила, нормы и пр.). Это делает его «свободным» от непосредственной ситуации и позволяет овладеть собой и своим поведением. Наглядным примером этого утверждения является регулятивная функция речи, когда человек планирует собственное поведение и, прежде чем начать выполнять непосредственное действие, с помощью внутреннего диалога создает программу предстоящей деятельности (например, «Не волнуйся, все в порядке» или «Сначала мне нужно пройти прямо, затем повернуть налево и выйти на ту улицу...»).

Учитель как новый значимый взрослый

К моменту обучения в школе у ребенка происходит перестройка всей системы отношений с окружающим миром. В дошкольном возрасте у ребенка есть две сферы социальных отношений: «ребенок–взрослый» и «ребенок–дети». К моменту прихода ребенка в школу система «ребенок–взрослый» изменяется: результативность игровой деятельности, как и

отношения внутри детского коллектива теперь не определяют характер взаимоотношений с родителями, эти отношения существуют параллельно.

В период обучения в школе система "ребенок – взрослый" дифференцируется (рис. 1), и определяющей в системе этих отношений становится роль учителя [10].

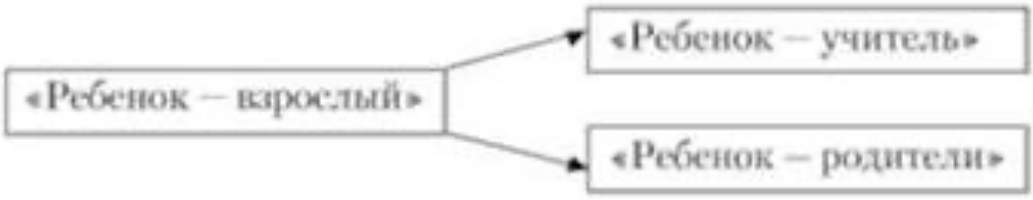

Рис 1. Система отношений ребенка со значимым взрослым в младшем школьном возрасте

Для первоклассника учитель представляет беспрекословный авторитет, он выступает как носитель норм и правил, принятых в этом новом, пока непонятном для ребенка мире. Поэтому в самом начале обучения младший школьник ориентирован именно на общение с учителем. В начале обучения он воспринимает одноклассников через учителя и обращает на них внимание, когда во время уроков преподаватель оценивает их, подчеркивает успехи или неудачи. Отношение учителя к каждому конкретному ребенку определяет на ранних этапах характер межличностных отношений в классе. Вот почему в начале обучения у учащихся отсутствует нравственная оценка своих одноклассников, нет подлинных межличностных отношений, отсутствуют коллективные узы. Связи и отношения начинают складываться в процессе учебной деятельности и совершенствуются в процессе школьной жизни, по мере того как учитель начинает давать школьникам индивидуальные и групповые общественные поручения.

На начальном же этапе школьной жизни контакт между собой дети осуществляют посредством педагога, который, на смену родителям,

становится для младшего школьника основным источником знаний, норм и правил о текущей ССР, поэтому успешность усвоения новообразований данного периода во многом обусловлена степенью общности сознаний педагога и ученика [9], которая обеспечивает не только более эффективное усвоение учащимися общешкольных умений и навыков, но и способствует созданию комфортной, безопасной атмосферы общения.

Г.А. Цукерман исследовала роль кооперации со сверстниками в психическом развитии младших школьников [4]. Ею были получены экспериментальные данные о том, что дети, работающие в форме совместной работы в классе, в два раза лучше оценивают свои возможности и уровень знаний. У таких детей более успешно формируются рефлексивные действия по сравнению с учениками, не имеющими возможности сотрудничать в процессе учебной деятельности. Таким образом, приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников и умение заводить друзей являются одной из важнейших задач развития младшего школьника.

На втором-третьем году обучения отношение школьника к классному коллективу меняется. Эти изменения связаны с новым отношением к учебе и личности учителя: личность учителя становится менее значимой, но зато устанавливаются более тесные контакты с одноклассниками, с которыми вместе усваивают знания, участвуют в общественной жизни.

Как было отмечено, ко 2 и 3 классу учитель становится менее значимым для ребенка, но зато связи с одноклассниками становятся более тесными и дифференцированными – сверстник приобретает индивидуальность в глазах ребенка, становится значимым лицом общения, формируя различные коммуникативные качества ребенка. Происходит интенсивное установление дружеских контактов. Одна из важных задач развития на этом возрастном этапе – приобретение навыков социального

взаимодействия с группой сверстников и поддержание дружеских связей. Ребенок учится налаживать коммуникативный контакт с ровесником, слушать его, понимать, принимать, давать адекватную обратную связь. Кроме того, для ребенка важно осознание того, что общение с ним тоже кому-то важно и интересно. Это способствует возникновению мотива коммуникативного самосовершенствования и мотива преодоления коммуникативных затруднений, возникающих в процессе общения.

Согласно Л.С. Выготскому, социальная среда и социальные взаимодействия выступают условием проявления внутренней социальности (социальной сущности) ребенка. Процесс перевода внешнего во внутреннее обозначается Л.С. Выготским термином «интериоризация» [5, с. 8]. Через общение, совместную деятельность и социальное познание внешняя активность ребенка превращается во внутреннюю, психическую. И только будучи интериоризированными, знания, нормы, способы поведения и деятельности могут быть затем экстериоризированы (предъявлены другим людям, включены в совместную деятельность с ними). В отечественной психологии интериоризация рассматривается как преобразование строения предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания. Согласно Л.С. Выготскому, всякая подлинно человеческая форма психики первоначально складывается как внешняя социальная форма общения между людьми и только затем, в результате интериоризации, становится психическим процессом отдельного индивида. Л.С. Выготский рассматривал образование форм речевого общения как процесс формирования высших, специфически общественных, орудийно-опосредствованных психических функций. Речь, посредством которой осуществляется общение, также отражает те переживания, образы и системы отношений, характеризующие социальную ситуацию развития для конкретного индивида.

Но, если общение как процесс сопровождает человека на протяжении всего периода развития, видоизменяясь и перестраиваясь, то качественно новым образованием для возрастного периода младшего школьного возраста является смена ведущего типа деятельности. В этом возрасте ведущей деятельностью становится учебная деятельность, в процессе которой ребенок приобщается к достижениям человеческой культуры и усваивает знания о них. Д.Б. Эльконин определил учебную деятельность как деятельность, имеющую своим содержанием овладение обобщенными способами действий в сфере научных понятий, которая должна побуждаться адекватными мотивами [12].

Сопоставляя между собой игровую деятельность, которая была ведущей в дошкольном возрасте, и учебную деятельность младшего школьника, можно выделить основные различия между ними. Главные из них заключаются в обязательном характере учебной деятельности, ее произвольности и результативности. Учебная деятельность отличается произвольностью, обеспечивающей произвольное управление своими эмоциональными состояниями, двигательной активностью, познавательными процессами, отношениями с другими людьми и др. Произвольный характер учебной деятельности возможен при произвольности всех психических процессов, что обеспечивает самостоятельное формулирование цели и ее успешное достижение. Произвольность психических процессов является одним из главных психологических новообразований младшего школьного возраста, формирующихся под влиянием учебной деятельности как ведущей деятельности на данном этапе онтогенеза.

Таким образом, в изменившейся социальной ситуации развития, помимо соответствующих психологических новообразований, у ребенка в сознании формируется новый образ значимого взрослого (приходящий на

смену родителям) – учителя, как носителя социально-культурного опыта, задающего нормы поведения и требования, предъявляемые учебным заведением, демонстрирующего образцы, на которые надо ориентироваться.

Исследование речевых маркеров субъективного переживания школьной действительности младшим школьником

Любой вид деятельности, в том числе ориентировочная, предполагают адекватное отражение и воспроизведение окружающей действительности, в ходе которых приобретаются соответствующие знания о ней. Данный тезис позволяет нам сформулировать основное положение экспериментальной работы: *степень освоения ССР определяет наличие сформированной внутренней позиции школьника, которая характеризуется дифференцированным восприятием новой социальной действительности.* Данный подход позволит выявить особенности субъективного переживания младшим школьником актуальной социальной ситуации развития.

Целевая группа: ученики 3-х классов московских образовательных организаций. Всего в исследовании приняли участие 52 ребенка. Экспериментальное исследование включало несколько этапов: разработка структуры интервью, проведение индивидуальных интервью с целевой группой, экспертный анализ языкового материала, классификация речевых маркеров, проведение сравнительного анализа. Структура интервью включала ряд открытых вопросов, на последовательное предъявление которых ребенок должен сформулировать ответы. В ходе интервью проводилось протоколирование ответов посредством аудиозаписи. В последствии аудиозаписи переводились в письменные протоколы. На этапе экспертного анализа языковой материал исследовался на предмет

фиксации характерных особенностей речи (речевых маркеров) младшего школьника, освоившего ССР. В результате были выявлены и классифицированы следующие речевые маркеры:

1) связанная контекстная речь (представлена рядом логически последовательно связанных между собой предложений, интонационно оформленных и объединенных единым содержанием или предметом высказывания);

2) правильность речи (соответствие речи литературным нормам);

3) произвольность речи (умение употребить слова, словосочетания, синтаксические конструкции, которые бы наиболее точно и полно передавали замысел говорящего [11]);

4) наличие в словаре лексем собственного изобретения;

5) присутствие в речи определенной оценки окружающей действительности, выраженной в категориях «нравится/не нравится»;

6) смысловые акценты в речи, ориентированные на актуальные сферы развития (общение со сверстниками, учителем; учебная деятельность, познавательная активность);

7) отсутствие персеверации;

8) дифференциация социального окружения и принятых социальных ролей.

Конечно, предлагаемый список не является исчерпывающим, и, в дальнейшим, мы планируем продолжить исследование речи младшего школьника на предмет речевых маркеров, по которым можно судить о психологическом состоянии ребенка в текущей социальной ситуации. Данные маркеры, присутствующие в речи младшего школьника, позволяют нам делать вывод о том, что ребенок адекватно воспринимает окружающую материальную и социальную действительность, ориентируется в ней, способен ее дифференцировать и подбирать

адекватные ответные реакции. Такие же речевые маркеры как лексическая бедность, примитивное построений высказываний, несвязанная речь, смысловой акцент речевых высказываний на игровую (характерную для предшествующего возрастного этапа развития) деятельность, персеверации и др. напротив, свидетельствуют о несформированной собственной позиции по отношению к актуальной социальной ситуации развития. Причины и условия, по которым ребенок на каждом возрастном этапе не осваивает характерные новообразования и соответствующий социальный опыт, по-прежнему остаются не исследованы и представляют область для анализа.

На заключительном этапе осуществлен сравнительный анализ речевых маркеров, характеризующих различные особенности субъективного переживания социальной ситуации развития младшими школьниками (Таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительная таблица речевых маркеров освоения ССР

ССР освоена	ССР не освоена
мои друзья..еще мне нравится предмет математика..ну все предметы нравятся...еще мне нравится еда в столовой	я с друзьями хотел сразу поиграть много так веселья.. ну в настолки сразу играем … настолки есть мы там играем…
мне нравятся в школе предметы.. мне нравятся рисование, технология, физкультура, математика, окружающий мир и литература..не из предметов мне нравятся дополнительные занятия по математике и изо	мне не нравятся нелепые игры …это когда например в машинке такие железные играем эээ там это в ногу попасть или еще куда то…даа..это я считаю что это нелепая игра.. не нравится когда я получаю тройки…эээээ….и еще это как у арлена девочки мне иногда тоже …да вон она сидит..и все..
Ну..мне нравятся предметы..рисование технология физкультура и музыка (ну она мне не сильно нравится), ну больше не знаю что..друзья	мне нравится, что я могу в буфете что-то купить и пойти в столовку после пяти уроков

то бы я бы убавил от урока примерно минут 15 чтобы успевали учиться, а перемену бы сделал на 5 мин поменьше и добавил бы что можно играть на переменах в телефон…ну или в планшет	если бы я был учителем, то...я бы сделал так поставил бы всем пятерки за год ..
Домашние задания..ну потому что по математике задают 4 номера и 50 задач...дааы мало совсем...ну все равно очень много..и то мб одна задача но они пипец сложные...мне не нравится пару людей в школе	эээ нуу то что там в школе большой спортзал там ну там ну большая перемена можно в буфете что-нибудь купить...нуу большая местность двор большой…большие классы
В школе мне нравятся учителя, учиться – английский, русский, физкультура	сказала бы классу что они могу сесть где хотят, объясняла бы на уроке так, чтобы все было понятно другим, чтобы все все понимали и все успевали. Писала бы помедленее, чтобы все успевали за мной писать
Я не очень люблю русский и не очень люблю английский...не очень нравится доп кружок не в нашей школе кружок по зоопарку	когда меня заберет мама.. после школы мы пойдем гулять на площадку...мне нравится в школе но гулять веселее..
Нуу мне нравится классный руководитель...еще мне нравятся одноклассники кроме Ю,И,М	нууу мне в школе нравится вообще...ну школа она сама по себе достаточна интересна, она мне нравится потому что в ней что-то интересное, мне вообще нравится узнавать что-то интересное новое поэтому мне школа нравится
Литература...еще математеша окружающий и русский..технология...и в будущем химия...именно предметы там где не надо много писать как на русском а там где надо... всякие факты там...	Нуу..я бы в классе что-то отремонтировал..поставил бы в классе парты какие-нибудь нормальные другие...может поменял бы шторы чтобы класс выглядел красиво. Чтобы было приятно в него приходить
Ну..мне нравятся предметы..рисвование технология физкультура и музыка (ну она мне не сильно нравится), ну больше не знаю что..друзья	Если бы я быда учителем...эээ...я бы следила за детьми..больше ничего не пришло

Из приведенного выше сравнительного анализа можно извлечь следующую познавательную пользу. Особенности речи младшего школьника могут быть детерминированы характером проживания им актуальной ССР. Развитая в соответствии с актуальными социальными условиями речь будет являться объективным признаком нормативного

протекания психических процессов и успешного освоения социокультурного опыта. Наличие же в речи ребенка определенных «трудностей» будет выступать объективным признаком отклонений от нормативного протекания психических процессов и неуспешного освоения социальной ситуации развития.

Вывод

Речь и функционирующий в ней язык выступают эффективным средством отражения субъективных переживаний младших школьников. Психические процессы, развивающиеся в рамках возрастной нормы, адекватно проявляются в нормативной речи. Психическое развитие, не соответствующее возрастной норме, обусловливает нормативное отклонение и в речи. Выявленные в ходе экспериментального исследования речевые маркеры ССР младшего школьного позволяют судить о: смене ведущего типа деятельности – от игровой к учебной; мотивации достижения, смене референтной группы, формировании новой внутренней позиции, изменениях системы взаимоотношений ребенка с окружающими людьми.

Обобщенный анализ результатов исследования в целом подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что о степени освоения социальной ситуации развития младшим школьником можно судить по его стремлении говорить о школе, учебных предметах, учителе, одноклассниках, а также о взаимодействии со сверстниками, что находит свое отражение в специфических речевых маркерах.

В дальнейшем мы планируем продолжить исследование в данном направлении и изучить взаимосвязь таких психологических характеристик, как тревожность, самооценка, общая удовлетворенность

жизнью, мотивация и их проявление в активном словаре младшего школьника. Результаты данного исследования позволят создать инструментарий диагностики возникающих трудностей для специалистов, сопровождающих учебный процесс.

Литература

1. *Божович Л.И.* Отношение школьников к учению как психологическая проблема // Проблемы формирования личности: избранные психологические труды. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1997. С. 55-91

2. *Божович Л.И.* Речь и практическая интеллектуальная деятельность ребёнка (экспериментально теоретическое исследование). Культурно-историческая психология, 2006. № 1. С. 65-76; № 2. С. 121-135; № 3. С. 101-113.

3. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.

4. Введение в школьную жизнь: программа адаптации детей к школьной жизни: пособие для учителя / Г.А. Цукерман, К.Н. Поливанова. М.; Московский институт качества образования, 2010. 120 с.

5. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М.: изд-во Акад. педагог. наук, 1960. 500 с.

6. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. С. 256-258

7. *Леонтьев А.А.* Основы теории речевой деятельности. М: Наука, под. Ред. А.А. Леонтьева, 1974. 368 с.

8. Методика воспитательной работы / Под ред. В.П. Сергеевой. М.: Академия, 2010. С. 274.

9. *Мыскин С.В., Макеева Г.А.* Адаптационные аспекты социальной ситуации развития подростков в условиях обучения в организации среднего профессионального образования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13. № 2. С. 89-104.

10. *Новикова П.Л.* Речевые маркеры психологической адаптации младших школьников к социальной ситуации развития // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. № 4 (16). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2021. С. 23-38.

11. *Ушакова О.С, Струнина Е.М.* Методика развития речи детей дошкольного возраста: Учеб.--метод. пособие для воспитателей дошк. образоват. учреждений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 288 с.

12. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

References

1. *Bozhovich L.I.* Otnoshenie shkol'nikov k ucheniju kak psihologicheskaja problema // Problemy formirovanija lichnosti: izbrannye psihologicheskie trudy. M.: In-t prakticheskoj psihologii; Voronezh : MODJeK, 1997, P. 55-91.

2. *Bozhovich L.I.* Rech' i prakticheskaja intellektual'naja dejatel'nost' rebjonka (jeksperimental'no teoreticheskoe issledovanie). Kul'turno-istoricheskaja psihologija, № 1. P. 65-76; № 2. P. 121-135; № 3. P.. 101-113.

3. *Vasiljuk F.E.* Psihologija perezhivanija (analiz preodolenija kriticheskih situacij). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. 200 s.

4. Vvedenie v shkol'nuju zhizn': programma adaptacii detej k shkol'noj zhizni: posobie dlja uchitelja / G.A. Cukerman, K.N. Polivanova. M.; Moskovskij institut kachestva obrazovanija, 2010. 120 s.

5. *Vygotskij L.S.* Razvitie vysshih psihicheskih funkcij. Iz neopublikovannyh trudov. M.: izd-vo Akad. pedagog. nauk, 1960. 500 s.

6. *Vygotskij L.S.* Problema vozrasta // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 4. S. 256-258

7. *Leont'ev A.A.* Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti. M: Nauka, pod. Red. A.A. Leont'eva, 1974. 368 s.

8. Metodika vospitatel'noj raboty / Pod red. V.P. Sergeevoj. M.: Akademija, 2010. S. 274.

9. *Myskin S.V., Makeeva G.A.* Adaptacionnye aspekty social'noj situacii razvitija podrostkov v uslovijah obuchenija v organizacii srednego professional'nogo obrazovanija [Jelektronnyj resurs] // Psihologo-pedagogicheskie issledovanija. 2021. T. 13. № 2. S. 89-104.

10. *Novikova P.L.* Rechevye markery psihologicheskoj adaptacii mladshih shkol'nikov k social'noj situacii razvitija // Organizacionnaja psiholingvistika [Jelektronnyj resurs]: jelektron. nauch. zhurnal / gl. red. S.V. Myskin. Vyp. № 4 (16). M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tehnologij», 2021. S. 23-38.

11. *Ushakova O.S, Strunina E.M.* Metodika razvitija rechi detej doshkol'nogo vozrasta: Ucheb.--metod. posobie dlja vospitatelej doshk. obrazovat. uchrezhdenij. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2004. 288 s.

12. *Jel'konin D.B.* Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989. 560 s.

УДК 81’33

Д.Д. Ян
Центр развития образования и международной деятельности
«Интеробразование»
119021, пер. Большой Чудов, 8, с.1
Москва, Россия
davidepistulam@ya.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В КОНТЕКСТЕ БЛОГОСФЕРЫ

Аннотация. В статье автор предпринял попытку определить роль политического мифа в современной отечественной блогосфере. Всякое политическое действие основано на мифе. Побуждение общества к какому-либо политическому действию происходит за счёт трансляции этого мифа. Использование мифа отсылает индивида к тем понятиям и установкам, которые он считает правильными. Актуальность статьи обусловлена переходом реальной политической жизни в виртуальное пространство. Площадкой для симуляции политической реальности становится блогосфера, источниками трансляции новой реальности – блогеры, лидеры мнений, имиджевые модели политических деятелей. С помощью инструментов блогосферы распространяется информация, осуществляется процесс формирования политического имиджа, а также отбора и консолидации своего электората. В связи с этим, возрастает потребность изучения политического мифа в контексте блогосферы.

Ключевые слова: политический миф, политическая мифология, блогосфера, массовое сознание.

D. Ian

POLITICAL MYTH IN THE CONTEXT OF BLOGOSPHERE

In the article the author made an attempt to determine the role of the political myth in the modern Russian blogosphere. Every political action is based on a myth. The stimulation of society to any political action occurs due to the transmission of this myth. The use of myth refers the individual to those concepts and attitudes that he considers correct. The relevance of the article is due to the transition of real political life into virtual reality. The blogosphere becomes a platform for stimulating political reality, bloggers, influencers, image of political people are the sources of translation the new reality. Information is disseminated, the process of forming a political image and the selection and consolidation of its electorate is carried out by the agency of tools of the blogosphere. Thus, there is increasing need to study the political myth in the context of blogosphere.

Key words: political myth, political mythology, blogosphere, popular consciousness.

Существует четыре фундаментальных вида манипуляции массовым сознанием: манипуляция эмоциями, манипуляция информационным потоками, манипуляция с использованием авторитетов (трансляция смыслов через лидеров мнений) и манипуляция путём формирования и распространения образов. Комбинация всех четырёх видов манипуляции массовым сознанием представляется возможной в сетевой среде, в частности, в блогосфере.

Управление большими массами грубой физической силой больше не актуально, намного эффективнее использовать силу воображения. Оружием, с помощью которого совершаются пропагандистские манипуляции и осуществляется информационная война является политический миф.

Фактором формирования и распространения устойчивого мифологического сознания в обществе, по мнению немецкого философа Эрнста Кассирера, является высокий уровень развития техники и средств массовой информации [4, с. 61]. Современный политический миф не возникает спонтанно, он разрабатывается в соответствии с конкретным планом. Для того, чтобы преобразовать старые мифологические идеи в сильное политическое оружие, необходимо приспособить их под потребности аудитории.

Задача политического мифа – это структурирование действительности в условиях тотального кризиса, то есть в той ситуации, когда картину мира представляется невозможным восстановить и усвоить как целостную. Она делится на фрагменты, которые соединяются мифологическими связями. И только в дальнейшем мифологические конструкции «обрастают» рациональными представлениями, концепциями, правовыми и политическими воззрениями. «Культурная задача политического мифа состоит в восстановлении социальной картины

мира, разрушенной во время социального катаклизма» [6, с. 32], – пишет А. Кольев.

Эрнест Кассирер отмечает, что в стабильные и безопасные времена рациональная организация общества поддерживается автоматически [4, с. 61]. Здесь важно отметить, что политической системе не свойственно состояние стабильности и равновесия. Постоянная динамика политической системы способствует возникновению ситуаций кризиса. В моменты кризиса, в обществе появляется острая необходимость в сиюминутном решении сложно решаемых проблем. Общество может преодолеть кризис двумя путями: либо осуществляя поиск новых решений проблемы, тем самым, выходя на следующую ступень своего развития, либо возвращаться к истокам, актуализируя архаику [1, с. 191].

Существует два основных вида политического мифа:

1) Технологический миф. Такой миф создаётся и транслируется параллельно с реализацией актуальных политических задач. Технологический миф характеризуется коротким жизненным сроком. Это связано с тем, что подобный миф легко опровергнуть или разоблачить;

2) Миф, основанный на архетипах [7, с. 20]. Фундаментом для построения политического мифа является архаика. Данный миф рассчитан на долгосрочное существование и транслируется с целью формирования коллективной идентичности с определённым моральным укладом. Таким образом, миф, основанный на архетипах, препятствует критической трактовке и адекватной интерпретации реальной действительности.

В основе транслируемого мифа лежит смысловая доминанта, вокруг которой выстраивается повествование [9]. Смыслом наполняет миф система взаимосвязанных когнитивных знаний. Эти знания являются общими и поэтому легко идентифицируются. В основе подобных когнитивных знаний могут лежать общепринятые нормы, групповые

ценности или убеждения, основанные на историческом или религиозном контексте. Смысл, который структурируется на основе этих знаний, существенно упрощается. Смысловая доминанта мифа задаёт направление понимая обществом окружающей действительности.

Узнаваемость мифа формируется путём создания цельных и запоминающихся образов. Символизация политического мифа – это ещё один способ упрощения транслируемой действительности. Нельзя недооценивать роль символизма в манипуляции массовым сознанием. Французский философ Ролан Барт утверждал, что символичность изображения и слова имеет бессознательный контекст, который не поддаётся объяснению или точному определению [2, с. 57].

Формирование политической картины мира происходит за счёт трансляции в массовое сознание образов, оформленных в виде мифологем. Например, согласно А. Е. Тарасову, дихтомия «мы – они» образует в массовом сознании устойчивый образ, в котором «они» представляют собой враждебный образ «врага» [12, с. 123]. Мифологема «враг» объясняет политические явления, негативно воспринимаемых народом как результат попыток врагов принести вред обществу. Действия заявленных врагов определяются как заговор с целью завоевания или разрушения государства.

Структура политического мифа состоит из следующих элементов:

1. Архетипы являются фундаментальной основой политического мифа. В психологии Юнга архетип является наследуемой формой коллективного бессознательного. Влияние архетипа на общественное сознание сложно поддаётся рациональным измерениям, оно связано с эмоциональной вовлеченностью. Как писал Юнг, «архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействия на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их» [15, с. 35];

2. Мифологему можно определить, как конструкт, определяющий оценку и восприятие политических процессов в обществе [14, с. 42];

3. Символика связывает воедино события реальности с мифологемами и архетипами;

4. Идеологемы – это элемент идеологической концепции, который выражается в языковой форме и имеет эмоциональную окраску. Идеологемы отличаются конкретикой и ситуативностью.

В качестве примера предлагается рассмотреть миф о «золотом веке», который теоретически моделирует социальный идеал в массовом сознании. Этот миф отсылает либо в благоприятное стабильное прошлое («когда всё было хорошо»), либо в будущее, где будет возможность для реализации социального идеала. Важно отметить, что реализация возможна исключительно в условиях следования определённой политической модели. Миф о «золотом веке» применял в своей компании Дональд Трамп Дональд. Символическая конструкция «Make America great again» («сделаем Америку снова великой») означает, что Трамп поможет вернуть Америку к былым золотым временам. «Золотые времена» - это мифологема, обозначающая определённый период в истории страны и прочно закреплённая в массовом сознании американцев. «Золотая лихорадка» в Калифорнии послужила основой для мифа об «американской мечте», который активно используется в массовой культуре. Именно «американская мечта» является символической моделью социального идеала. Эмоциональную окраску идеологемы образуют чувства сопричастности («сделаем») и возвышенной гордости («великой»).

Политический миф обладает дуальной природой, он сочетает в себе два компонента: концепция и эмоциональная окраска. Смысловой стержень и эмоциональное переживание в комплексе образуют мощный эффект воздействия на массовое сознание.

Дуальная природа мифа также находит отражение в сочетании диалектических противоположностей [5, с. 12]. Можно сказать, что политический миф выступает в качестве связующего звена между рациональной идеологией современной политики и иррациональной архаикой политической мифологии [11, с. 40]. Сочетание рациональных и иррациональных фрагментов образует баланс восприятия политического мифа.

По мнению Н. Г. Щербиной, политический миф выполняет следующие функции:

1) коммуникативная функция;

2) аксиологическая функция или функция оценки, которая направлена на возвышение транслируемого образа;

3) интегративная функция, что означает образование системы стабильных связей;

4) охранительная функция направлена на поддержание стабильности;

5) функция адаптации позволяет получателю мифа отождествлять себя с желаемыми образами;

6) функция мобилизации характеризуется целевой направленностью мифа – миф мобилизует цель [13, с. 15].

У мифа есть важная позитивная функция: как и любая иллюзия, миф адаптирует общество к жестокой реальности внешнего мира. «Мифы делают жизнь проще и понятнее, помогают действовать в рамках заданных схем и снимают уровень психологического напряжения» [3], – утверждает медиакультуролог Светлана Шомова.

В современном обществе, согласно А. Е. Тарасову, политический миф позволяет сформулировать политическую стратегию, способствует её

внедрению в массовое сознание и выполняет мобилизующую функцию с целью реализации данной стратегии [12, с. 127].

Основа конструирования консервативного политического мифа – это совокупность событий прошлого с привязкой к религиозной составляющей. Трансляция консервативной мифологии через традиционные средства массовой информации является эффективной стратегией управления массами и формирования политической картины мира. В сетевом пространстве трансляция консервативного политического мифа происходит менее эффективно за счёт специфических характеристик блогосферы:

1) аудитория блогов существует на разных пластах времени и пространства;

2) меняется роль читателя – он становится полноценным участником медиапроизводства;

3) средства массовой информации вынуждены подстраиваться под потребности аудитории, в том числе, информационные, иначе рискуют её потерять;

4) раздробленность мифотворческого потока сокращает его жизнеспособность, миф становится легко опровержимым.

Несмотря на перечисленные барьеры на пути сетевой мифологизации, социальные сети остаются эффективной платформой для трансляции политического мифа, а инструментарий сетевых ресурсов позволяет выстраивать новые стратегии политической пропаганды и манипулирования массовым сознанием.

Лидерами мнений политической блогосферы могут выступать, как и реальная политическая власть, так и блогер с многочисленной лояльной аудиторией. Любой политик стремиться сформировать вокруг себя миф.

Эти мифы – набор образов сознания, которые прочно с этой личностью связаны.

В статье американского политолога Гарольда Лasсуэлла «Язык власти» подчёркивается значимость понятия «миранда». Миранда – это символы, с помощью выражается самоидентификация и отношения в политическом мифе. Цель миранды заключается в том, чтобы вызвать определённые эмоции (восторг, энтузиазм), укрепляющие веру в политический миф и формирующие чувство лояльности к власти. Миранда сформирует у индивида чувство необходимости разделить сильные эмоции с другими людьми. Обращая внимание на окружающие реакции и оценивая чувства других людей, индивид попадает под их же влияние, которое по силе воздействия сопоставимо с самой мирандой. Примером миранды может выступать гимн страны, торжественные церемонии. За счёт символов образуется всеобщая классовая идентификацию и закладывается основа для солидарности к политическому лидеру [8, с. 269].

Эффективным примером внедрения миранды является символическая конструкция, выраженная в метафорическом слогане «Крым наш!». Согласно опросу «Левада-центра», слоган «Крым наш!» для 77% россиян является символом «торжества и гордости», «возрождения России» [10]. Торжество и гордость – эмоции, за счёт которых укрепляется чувство лояльности к власти. Данный символ играет важную роль для самоидентификации и национального единения российского общества.

В основе смыслового содержания речевого воздействия находится мифосюжет. Мифосюжет объясняет политическую картину мира с помощью научных тезисов, основанных на социологических данных, психологических исследованиях и других фактообразующих средствах. Блогер избавляет аудиторию от необходимости держать в голове большой пласт информации и самостоятельно её анализировать. Аудитория

запоминает удачные и конкретные формулировки, соглашается с ними и начинает повторять. Можно выдвинуть тезис о том, что индивидуальная политическая картина мира является совокупностью транслируемых мифосюжетов.

Подводя итог, можно сказать, что социальные сети открыли новые возможности для реализации политической мифологии. Скорость распространения информации, новые инструменты манипулятивного воздействия, возможность анализа потребностей аудитории – всё это делает блогосферу благоприятной средой для внедрения политических мифов.

Политическая блогосфера имеет достаточный потенциал, чтобы порождать информацию и генерировать собственные дискурсы или авторитетное мнение. С одной стороны, социальные сети являются эффективным и актуальным инструментом внедрения политического мифа. Технические возможности сетевого пространства позволяют сформировать картину политической действительности, которая соответствует ожиданием аудитории и не требует от неё дополнительной рефлексии. С другой стороны, по средствам социальных сетей происходит независимое разоблачения мифов.

«Языковой код» мифологии в контексте политической коммуникации между властью и обществом на современном этапе характеризуется дихотомией: с одной стороны, он представлен такими понятиями, как традиция, национальная идентичность, история, с другой — совокупностью общечеловеческих, демократических ценностей — доверие, обратная связь, диалог, уважение, человеческий капитал, человеческий ресурс.

Узнаваемость мифа формируется путём создания цельных и запоминающихся образов. Образное мышление, связанное с

возможностями мультимедийных технологий, легко усваивает символические конструкции. Укреплению мифа в массовом сознании препятствует изменение роли аудитории, теперь она также принимает участие в конструировании, распространении и разоблачении мифов. Спланированное регулярное воздействие на сознание людей в сетевом пространстве актуализирует угрозу автономии воли и способности независимого мышления.

Литература

1. *Балахонская Ю.В.* Отличительные особенности политической мифологии / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №3 (67), 2015. 191 с.

2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 57 с.

3. «Для человека, который находится внутри мифа, его верования — это царство истины» // URL: https://realnoevremya.ru/articles/89098-kulturolog-svetlana-shomova-o-politicheskih-socialnyh-mifah (Дата обращения: 17.02.2021) Генералова Л. М. Жанровая специфика политического блога / Мир науки, культуры, образования. №3 (82), 2020. 504 с.

4. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов / Вестник МГУ. Серия 7. Философия, 1990. № 2. 61 с.

5. *Козырева Т.В., Слободчикова В.А.* Дуалистичность политического мифа / Вестник Югорского государственного университета. Выпуск 1 (44), 2017. С. 12-26.

6. *Кольев А.* Политическая мифология (ремифологизация социального опыта) / М.: Логос, 2003. 334 с.

7. *Кроливецкая И.Е.* Политическая мифология в современном обществе / Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. С. 20-22 // URL: http://e-koncept.ru/2016/56892.htm. (Дата обращения: 18.02.2021);

8. *Лассвелл Г.* Язык власти / Политическая лингвистика. Выпуск 20. Екатеринбург, 2006. 269 с.

9. *Мусихин Г.И.* Политический миф как разновидность политической символизации / «Общественные науки и современность» №5, 2015. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2018/08/05/1251868807/102_117_MUSIKHIN.pdf (Дата обращения: 17.02.2021)

10. Присоединение Крыма / Левада-центр / URL: https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kryma/ (Дата обращения: 16.02.2021)

11. *Стрельник О.Н.* Политический миф: рациональная видимость и иррациональная суть / Вестник РУДН. Серия: философия. №2, 2012. С. 39-46

12. *Тарасов А.Е.* Политическая картина мира: на стыке профессионального и обыденного сознания / Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика. Коллективная монография / Под общ. ред. С.В.Мыскин, Е.Ф.Тарасов, 2020. 312 с.

13. *Щербина Н.Г.* Политический миф России: Курс лекций. 2-е изд., испр. Томск. Изд-во Томского ун-та, 2002. 100 с.

14. *Эксузян Д.К.* Миф власти в системе влияния на политическое сознание / Гуманитарии Юга России. Т. 23, №1, 2017. С. 175-180

15. *Юнг К.Г.* Подход к бессознательному / Архетип и символ. М., 1991. Т. 1, С. 35-47

References

1. *Balahonskaja Ju.V.* Otlichitel'nye osobennosti politicheskoj mifologii / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. №3 (67), 2015. 191 s.

2. *Bart R.* Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika / R. Bart. M.: Progress, 1989. 57 s.

3. «Dlja cheloveka, kotoryj nahoditsja vnutri mifa, ego verovanija — jeto carstvo istiny» // URL: https://realnoevremya.ru/articles/89098-kulturolog-svetlana-shomova-o-politicheskih-socialnyh-mifah (Data obrashhenija: 17.02.2021) Generalova L. M. Zhanrovaja specifika politicheskogo bloga / Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. №3 (82), 2020. 504 s.

4. *Kassirer Je.* Tehnika sovremennyh politicheskih mifov / Vestnik MGU. Serija 7. Filosofija, 1990. № 2. 61 s.

5. *Kozyreva T.V., Slobodchikova V.A.* Dualistichnost' politicheskogo mifa / Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 1 (44), 2017. S. 12-26.

6. *Kol'ev A.* Politicheskaja mifologija (remifologizacija social'nogo opyta) / M.: Logos, 2003. 334 s.

7. *Kroliveckaja I.E.* Politicheskaja mifologija v sovremennom obshhestve / Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept», 2016. S. 20-22 // URL: http://e-koncept.ru/2016/56892.htm. (Data obrashhenija: 18.02.2021);

8. *Lassvell G.* Jazyk vlasti / Politicheskaja lingvistika. Vypusk 20. Ekaterinburg, 2006. 269 s.

9. *Musihin G.I.* Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoj simvolizacii / «Obshhestvennye nauki i sovremennost'» №5, 2015. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2018/08/05/1251868807/102_117_MUSIKHIN.pdf (Data obrashhenija: 17.02.2021)

10. Prisoedinenie Kryma / Levada-centr / URL: https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kryma/ (Data obrashhenija: 16.02.2021)

11. *Strel'nik O.N.* Politicheskij mif: racional'naja vidimost' i irracional'naja sut' / Vestnik RUDN. Serija: filosofija. №2, 2012. S. 39-46

12. *Tarasov A.E.* Politicheskaja kartina mira: na styke professional'nogo i obydennogo soznanija / Professional'naja kartina mira. Metodologija. Varianty. Praktika. Kollektivnaja monografija / Pod obshh. red. S.V.Myskin, E.F.Tarasov, 2020. 312 s.

13. *Shherbina N.G.* Politicheskij mif Rossii: Kurs lekcij. 2-e izd., ispr. Tomsk. Izd-vo Tomskogo un-ta, 2002. 100 s.

14. *Jeksuzjan D.K.* Mif vlasti v sisteme vlijanija na politicheskoe soznanie / Gumanitarii Juga Rossii. T. 23, №1, 2017. S. 175-180

15. *Jung K.G.* Podhod k bessoznatel'nomu / Arhetip i simvol. M., 1991. T. 1, S. 35-47

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Мыскин Сергей Владимирович, главный редактор электронного периодического издания «Организационная психолингвистика», доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Новикова Полина Леонидовна, ассистент дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Ян Давид Даниилович, начальник отдела международного сотрудничества в профессиональном образовании Центра развития образования и международной деятельности («Интеробразование») (Россия)

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:
5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)
5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт http://www.translit.ru);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ «(оригинальность текста не мене 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст стати и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — *И.И.*).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания.

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (*если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания*). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (*если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы*). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (*если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы*). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (е*сли книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой*).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименовании организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: http://orcid.org/), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация
Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научный работы.

1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!
Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мыскин
док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова
канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. *Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б.* Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. *Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B*. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.
www.psycholinguistic.ru